

«Откажись, девочка, — холодно, ясно и почему-то очень тоскливо подумал Алекс. — Откажись, сотри мой номер. Да, я действительно могу купить кого угодно. Почти кого угодно, дело только в цене. Докажи мне, что это не так, что не все женщины продаются. Если через неделю ты не позвонишь, клянусь, я извинюсь и подарю все, что предлагал. Будет и учеба, и работа в «Корсаре». Только откажись. Прошу тебя».

ПОДАРИ МНЕ ПЛАМЯ

Чернильная Мышь

ДАНА АРНАУТОВА

Annotation

Лучшая студентка курса Маред Уинни мечтает стать первой женщиной — королевским юристом, но безденежье толкает ее на преступление, а затем — в руки скучающего аристократа. Казалось, Маред удалось вырваться, но ее находят и делают сразу два непристойных предложения. Принять одно и заработать на мечту, став наложницей порочного лорда? Или принять второе — и отомстить негодяю? А может, все сразу? Но стоит ли бедной студентке ввязываться в игры больших людей, где ее жизнь — разменная монета за чужую страсть и алчность?...

Дана Арнаутова

Подари мне пламя. Чернильная Мышь

© Арнаутова Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Кофе, кофе, кофе... Не то третья, не то четвертая чашка за вечер. Но не пятая: после пятой начинает ломить виски, а сейчас голова не болит, разве что во рту поселился противный железистый привкус. Вода в Западном районе плохая, никаким кофе не перебить, тем более дешевым. Зато можно сделать еще чашку и закончить проклятый диплом. Обязательно сегодня! Завтра последний срок платы за квартиру, да и туфли купить пора. Ходить в полусапожках всю весну — еще куда ни шло, но не в начале же лета? Скоро на улицах начнут коситься и хихикать...

Маред откинулась на скрипнувшую спинку стула, потерла глаза, в которые словно песку насыпали. Закрыла очередную книгу, из которой переносила данные в список использованной литературы. Интересно, все ли преподаватели Королевского Университета уже знают ее почерк? Ровный, четкий, округлый, но с уверенным твердым нажимом — так пишут нотариусы, такому почерку ее научил отец. Да, наверное, знают. Но всегда можно сделать вид, что она лишь переписчица студенческих работ, по традиции предоставляемых в рукописной форме. Традиции — основа Королевского Университета, как не устают твердить господа преподаватели и лэрд декан.

А своевременная оплата учебы — самая, пожалуй, незыблемая из традиций. И кого Маред обманывает? Если даже за летние вакации сделать дюжину дипломов, работая, как крестьянская лошадь, на оплату семестра все равно не хватит. Десять тысяч... И надо думать, чем платить за обучение дальше. Да, она сама виновата, не рассчитала. Получить осложнение от обычной простуды и проболеть всю весну — это умудриться надо. И пришлось в конце концов идти к дорогому частному целителю, чтобы преподаватели на лекциях не морщились недовольно от ее кашля.

Да еще квартира, в дешевом районе, но отдельная и с ванной, студенческая форма, еда и абонемент в библиотеку. Фониль, без которого пришлось бы назначать встречи, бегая за клиентами и теряя драгоценное время. Оплата астерона для старенького вычислителя и омнибус по утрам... Вот и влипла, как муха в патоку. Не рассчитала. Бросить правоведческий факультет Королевского Университета после четырех лет обучения! И куда она пойдет? В посудомойки? Или в какую-нибудь контору секретаршей? Отец никогда не простил бы ей такого провала! Он мечтал видеть свою наследницу успешным правоведом, продолжателем семейного дела. Сдаться так близко от почти достигнутой цели — оскорбить его память!

Слезы так и просились на глаза, но Маред решительно поморгала. Она задолжала всего за семестр. Вот об его оплате и надо думать. Может, не варить кофе? Еще несколько строчек — и все! Правда, строчки плывут перед глазами, но писать она, кажется, может и с закрытыми веками, научилась... Да будут благословенны преподаватели, требующие от студентов столько самостоятельных работ: без заказов ей не остаться, даже если... Нет, никаких если! Она заплатит. Вот получит сегодня деньги от Изабель и заплатит за квартиру. Купит туфли — сапожник с Каштановой улицы делает скидку на хорошую, почти не ношенную обувь. А от овсянки еще никто не умер, даже если есть ее не только на завтрак, но и на ужин.

Маред дописала последние пять пунктов в список, лизнула и торопливо потерла промокашкой чернильное пятно на большом пальце, иначе потом не отмыть. И так вечно

руки в чернилах. Мозоль на указательном, хоть и совсем затвердевшая, побаливала... Где же взять еще десять тысяч? А ведь кому-то эта сумма кажется смешной, ее соученики оставляют столько за пару вечеров в игорном доме или салонах модных портних, спускают на скачках, или вот еще, последнее увлечение столицы — мобилеры. Металлические лаковые монстры, урчащие и пахнущие смазочным маслом... Ох, не о том она думает, совсем не о том.

Готовый диплом лежал на столе, аккуратные красивые строчки на последней странице подсыхали, и Маред прикинула, что успеет все-таки выпить кофе. До Старого города неблизко, потом еще возвращаться, а Изабель вряд ли предложит чаю.

После целого дня за столом даже три шага до кухонного угла показались удовольствием. Маред сполоснула джезву, налила воды и скупно отмерила кофе. Не глядя, повернула ручку, и астероновая плита тихонько загудела, быстро раскаляясь и светя на стену алым отблеском вделанного кристалла. Вот и еще расходы. Газ был бы куда дешевле магического элемента, но газ...

Синие язычки, резкий запах, ровное гудение... Одна мысль об открытом пламени стянула внутренности узлом. Опираясь на раковину, Маред глубоко вдохнула раз, другой... Отдышавшись, вернулась к столу и бережно убрала диплом в кожаную папку. Надо с этим что-то делать. Ой, надо! А то так и придется всю жизнь от каждого подсвечника шараться, не говоря уж о зажигалках, газовых горелках и просто каминах.

Спохватившись, она кинулась к плите. Успела! Пока кофе остывал, торопливо скинула домашнее платье, сняла с вешалки форменное, служившее заодно и выходным. Тоже надо бы сменить на что-то полегче, но это подождет. Все равно летом она будет сидеть дома точно так же, как и осенью, зимой, весной...

Кофе горчил. Крепкий дешевый кофе — никакого вкуса, лишь бы взбодриться — отдавал горечью поражения. Все экзамены на «превосходно», четыре курса яростной учебы наперегонки с теми, кто с детства мог позволить себе лучших учителей. Любые подработки! За эти четыре года она написала дипломов, курсовых работ, эссе и контрольных не на одну группу! И декан ставил в пример всему курсу прилежание тьены Уинни, что, конечно, было приятно, только любви однокурсников не добавляло. Но плевать, ее и так не любили бы. Кто она такая? Нищая сирота, дочь провинциального адвоката и по совместительству нотариуса. Чернильная Мышь, библиотечная гусеница, свод законов ходячий...

Ох, как изопрялись в остроумии те, кто и близко не приближался к ее баллам за сданную сессию. Маред терпела. Старалась не замечать взглядов и шепотков, пропускала мимо ушей ядовитые советы купить новое платье и сходить наконец к парикмахеру. Ах, какие славные ботинки, почти незаметно, что они старше хозяйки. Милочка Уинни, на Портовом рынке, говорят, по четвергам распродажа, там даже вы сможете подобрать себе что-то по карману.

Она терпела. Иногда ночью, обхватив себя за плечи и съездившись под одеялом, плакала в подушку. Зато утром — кофе, омнибус, мраморные ступени Университета. Зато преподаватели благожелательно улыбались при встрече и ставили зачеты по результатам семестровой работы, не требуя сдачи предмета. Чтобы у Уинни не было конспектов? Чтобы Уинни не была готова к любому семинару или коллоквиуму? Шутить изволите, коллеги! А те, кто в глаза смеялся над ее чинеными ботинками, ближе к сессии начинал узнавать, сколько выскочка Уинни берет за контрольные. И это помогало держаться дальше.

Пусть она не может носить платья от дорогих модисток и приезжать на занятия в мобилере с личным шофером, но отец гордился бы ее баллами. Как и тем, что его дочь

учится на факультете, куда девушкам еще недавно было немислимо даже поступить. Боги, храните королеву Хельтуду, издавшую «Указ о благонамеренных девицах, склонных к учению». Маред Уинни выдержит все. Маред Уинни будет не просто адвокатом или нотариусом, а первым королевским стряпчим в юбке, даже если придется просидеть оставшийся год учебы на сухом хлебе и воде. Лишь бы сейчас достать проклятые десять тысяч. Только бы заплатить за учебу. Ах, если бы банк не отказал ей в кредите на обучение...

Проверив, выключена ли плита, Маред сполоснула чашку, стараясь, чтобы брызги не попали на платье. Надо было раньше это сделать, но задумалась, а оставлять грязную посуду нельзя. В Западном районе полчища тараканов, дай слабину — и от мерзких тварей не избавишься. Поморщившись, надела ботинки. Хорошо, что ночью прохладнее, можно сделать вид, что она просто боится простуды. Хотя кого это обманет? Изабель еще ничего, она взбалмошная и больше думает о юношах и нарядах, чем об учебе, но вроде не злая. Маред она обычно просто не замечала, пока не требовалась очередная работа. И уж точно не травила, как некоторые другие.

А еще она неплохо платила, хотя не всегда в срок. Не от жадности, просто искренне не понимала, как это кто-то может нуждаться в деньгах. Семья Изабель Кармайкл тоже не отличалась родовитостью, зато владела изрядной долей столичных верфей. Когда указ королевы позволил девушкам из порядочных семей получать образование, то единственную наследницу записали на самый престижный факультет, не особо спрашивая, чувствует ли та призвание к правоведению. Самой Изабель в Университете нравилось только множество молодых людей вокруг, зато уж этим она пользовалась от души.

Маред сбежала по лестнице, еле освещенной единственным газовым рожком, вышла на улицу. Совсем недалеко остановка омнибуса, но стоит ли тратить деньги на билет? Ходить здесь одной приличной девушке и днем-то не стоит, но если сэкономить, можно купить к будущей овсянке немного молока или копченого сыра. А грабители... Что с нее взять-то, кроме папки с дипломом, которая ни одному вменяемому грабителю даром не сдалась?

Поколебавшись, она все-таки свернула к остановке. Сейчас начало одиннадцатого, Изабель наверняка не спит, но столь поздний визит уже неприличен. Лучше бы подождать до завтра, только с тьеды Кармайкл станется укатить на пикник или в гости на весь день. Нет уж, так рисковать Маред не может!

* * *

Густой травяной запах массажного масла плыл по комнате, перекрывая аромат сладких духов. Распустив шнуровку на черном шелковом корсете, тоненькая и гибкая, как ивовая веточка, блондинка скинула его, оставшись обнаженной по пояс, и опустила руки вдоль пышной черной же юбки. Алекс капнул в ладонь зеленоватое масло, отставил бутылочку в сторону и смочил вторую ладонь. Почувствовал, как всем телом вздрогнула под прикосновением девушка. Масленные ладони скользили легко, не задерживаясь на безупречно гладкой коже. Но напряженные мышцы под его пальцами расслаблялись слишком медленно, девушка даже дышала с трудом.

— Успокойся, — мягко попросил Алекс. — Ты пришла сюда сама. Еще не поздно все отменить. Хочешь?

Девчонка испуганно замотала головой и глубоко вдохнула. Странно. Обычно протеже

Анриетты ведут себя гораздо свободнее. Теперь ясно, почему Анри просила выступить с этой крошкой именно его, кто-то другой наверняка напугал бы девочку еще до начала представления. Еще несколько минут Алекс размеренными движениями втирал масло в ее спину и плечи, затем промокнул блестящую, едва заметно порозовевшую кожу полотняной салфеткой.

Не поворачиваясь, девушка протянула руку, нащупала на стуле тонкий легкий корсет и, надев, неловко зашнуровала на груди. Пальцы ее заметно дрожали, дыхание было неровным. Мягкий шелк лег на тело идеально, обрисовывая высокую грудь, но оставляя открытыми белоснежные фарфоровые плечи. Черное шло девушке настолько, что не хотелось отводить взгляд, любясь хрупкой фигуркой, как произведением искусства...

Повернувшись, девушка подняла на Алекса взгляд нежно-голубых глаз. Короткие светлые прядки выбились из высокой прически, скулы горели лихорадочным румянцем, а глаза блестели, словно были полны слез, но нет, это просто свет от массивного канделябра падал так. На мгновение она показалась Алексу похожей на Незабудку. Ту, которой он когда-то ее встретил. Но Незабудка даже тогда была гораздо чувственнее и точно знала, чего хотела. Эта тоже знает, иначе Анриетта не выпустила бы ее на сцену с таким номером, но какая же она пока невинная с виду.

Несколько минут они молча стояли напротив, глядя друг другу в глаза. То, что их объединяло, обычный человек назвал бы пороком и безумием. Да, это было именно так, но сейчас безумие казалось единственно возможным, а остальной мир — порядочный и правильный — рухнул в темную бездну, клубящуюся внизу, в общем зале, водоворотом алчных глаз, жаждущих тел, раскаленного дыхания. И когда Алекс почувствовал, что между ними протянулась и дрожит невидимая струна понимания и сопричастности, он понял, что выступление будет прекрасно. Понял, как иногда в суде, выходя с финальной речью, знал безупречным чутьем, что просто не сможет проиграть. Ради этих мгновений победы и власти стоило жить!

— Ты прекрасна, девочка моя, — сказал он ласково. — Ты мне веришь?

— Да, мастер Алекс, — прошептала она, не сводя с него восторженных, исступленно сияющих глаз. — Душой и телом. Прошу, сделайте это...

В нижнем зале клуба собралось уже полно народу. Нет, конечно, всего несколько десятков, но для небольшого, обшитого темными дубовыми панелями и слабо освещенного несколькими лампами помещения и этого показалось много.

Алекс прошел через торопливо расступающуюся толпу, не удостоив никого из гостей приветствием. Отнюдь не от надменности, просто действие, предстоявшее ему сейчас, требовало полного сосредоточения. Позади тенью скользила девушка, не поднимая глаз от полированного паркета, в котором, как в зеркале, отражались силуэты людей вокруг. Шепот, жадные взгляды, запах духов, спиртного, разгоряченных тел... Показалось, что у кого-то из гостей зрачки на мельком увиденном лице блеснули алым. Ничего странного, Ночной народ любит такие развлечения. И тем из них, кто ведет себя прилично, вход в «Бархат» не закрыт.

Он поднялся на сцену, слыша за спиной легкие шаги спутницы, которая остановилась одновременно с ним. До зрителей у подножия сцены было шагов десять — вполне достаточно, чтобы повернуться и сказать тихо, только для них двоих:

— Мы все еще можем уйти. Ты уверена, что хочешь остаться?

— Да! — выдохнула девушка и шагнула к свисающему с потолка длинному ремню с петлей на конце. Замерла под ним. В зале вдруг стало тихо, как по волшебству.

— Благородные лэрды и лэди, — темным горьким медом потек из угла сцены низкий голос Анриетты. — Прошу и требую тишины. Пусть тот, кто не желает видеть представление, уйдет сейчас. Пусть тот, кто желает, смотрит почтительно и благодарно. У нас один закон: нет закона превыше страсти. Слушайте, смотрите и храните тайну этих двоих, как свою собственную.

Алекс глубоко вздохнул, отвешивая залу короткий резкий поклон и снова поворачиваясь к сцене. Закатал рукава вызывающе простой белой рубашки без единого лоскута кружева. Кнут в ладони казался живым существом: хищным, недобрым, готовым в любое мгновение развернуться и прыгнуть вперед, к живой плоти. Впиться, рассечь до кости, упиваясь кровью. Крекер — кисточка на конце кнута — был срезан, но и без него узкий ремень-фол выглядел жутко. Хотя на самом деле инструмент Алекса был гораздо безопаснее, чем казалось. Об этом позаботился изготовивший его мастер, выдубивший кожу до полной мягкости и пропитавший ее драгоценными эльфийскими маслами.

Девушка стояла под петлей покорно, даже улыбалась залу. И зрители жадно облизывали ее глазами, ожидая...

Намотав конец кнута на руку, чтобы не мешал, Алекс шагнул к девчонке, обнял за плечи, встав лицом к лицу, взял за запястья. Поднял их вверх, продел в петлю и слегка затянул ремень, проверив, чтобы не вышло слишком туго. Потом провел по плечам и бокам, медленно, напоказ, — и вытащил из-за пояса юбки край корсета, чтоб он был хоть немного свободнее. Зал, понявший это по-своему, отозвался глухим стоном-ахом. Девушка только плотнее сжала губы, и без того уже побледневшие, но не дернулась, позволяя. Все-таки сверху шелк прилегал к плечам слишком плотно, а ведь корсетом, как предполагалось, дело не обойдется.

— Ты моя, — услышал он собственный голос, роняющий слова с бесконечной властью, и девушка затрепетала, подаваясь навстречу этому голосу всем телом. — Душой и телом. Помни это и верь мне.

— Я вам верю, хозяин, — тихо донеслось вслед, когда Алекс уже отходил на несколько шагов для удобного замаха.

А потом кнут, размотанный с локтя, все же лег в ладонь. Удобно лег, плотно. Плетеная рукоять не давила, не скользила, прильнув к руке прямо-таки ласково. Словно выпрашивая, чтобы ее поскорее пустили в дело. Зал тихонько гудел без слов, едва ли не одним только дыханием и утробным тяжелым стоном ожидания. Размах оказался удачным, не зря он вчера провел час в саду поместья, сбивая кончиком этого самого кнута венчики цветов на клумбах, чтобы размяться и вспомнить движения. Это как плавать: раз научишься — уже не забудешь.

Черная молния метнулась вперед, свистнув — зал ахнул в голос! — но кончик кнута, мелькнув совсем рядом с плечами жертвы, щелкнул и вернулся обратно, стелясь по воздуху куда медленнее, с явным разочарованием. И еще раз! И еще! Кнут облизывал воздух вокруг привязанной девушки, примерялся, пробовал на вкус расстояние между охотником и дичью, пил страх и вожеление, разливающиеся вокруг. А потом, когда в стоне зала послышалось уже разочарование, щелкнул точно так же, как раньше, но что-то треснуло — и черный шелк на спине разошелся длинным разрывом от самых лопаток.

Толпа откликнулась дружным скулящим выдохом. Кнут снова взметнулся в воздух. Разрез! И еще... Кончик кнута вспарывал шелк, как острие ножа, пока еще не задевая кожи. Зал скулил и подвывал. А Алекс будто застыл в странном тягучем безвременье, где был только он — и она, выгнувшаяся, ожидающая удара.

Как там говорил мастер Галли, учивший его владеть кнутом? «Покажите им кровь. Немного, совсем чуть-чуть. Много крови хуже, чем полностью без нее. Когда крови много, на ее фоне теряются чувства. Дайте той, кто служит вам палитрой для рисунка, двигаться свободно, но следите, чтобы кнут ложился туда, куда велите вы, а не наугад на бьющееся в путях тело. Если нужно, прервитесь, подойдите, приласкайте... Дайте понять вашей хрупкой драгоценности, что вы рядом, что между вами не только боль, но и удовольствие. Удовольствие, разделенное на двоих...»

Кнут снова взметнулся в воздух, срывая остатки черных лохмотьев с плеч девушки, обнажая белоснежные плечи, маленькую торчащую грудь и узкую спину. Следующий удар оставил алую полосу вдоль ложбинки позвоночника. Потом — еще одну. И еще...

Когда несколько отметин уже грозили пересечься между собой, Алекс остановился.

Рядом, совсем близко и бесконечно далеко, бесновались зрители. Раскрасневшиеся, вспотевшие, разгоряченные. Облизывали губы кончиком языка, не отрывая от сцены жадного взора, подаваясь вперед...

Удар. И еще... Жестокие, болезненные, они не рвали тонкую нежную кожу, а лишь оставляли на ней все новые и новые огненные укусы-отметины. Девушка, вздрагивая при каждом ударе, сначала глубоко и резко дышала, потом начала постанывать, и в каждом следующем стоне слышалось все меньше боли, все больше удовольствия. Снова удар! Гибкое тело, такое нежное на вид, с неожиданной силой выгнулось, девушка хрипло крикнула, как раненая птица, и обмякла, бессильно повиснув на ремне.

Подходя к ней, опустившей голову так, что обнаженные предплечья закрыли лицо от толпы, Алекс слышал возбужденное гудение зала. Встав сзади и как можно ближе, он сунул рукоять кнута за пояс, мягко потянул девушку за плечи, уложил ее себе на грудь, а потом, щелкнув пряжкой ремня, подхватил на руки.

— Ты прекрасна, — шепнул с полной, совершенной искренностью, легонько целуя влажный от пота висок с прилипшей прядкой. — Моя сладкая девочка... Это было великолепно.

Глубоко вздохнув, девчонка прильнула к нему в истоме, и Алекс понес ее за кулисы, не оборачиваясь на толпу под сценой. Анриетта была права — малышка создана для «Бархата» и станет одним из его украшений. Как же удачно он вернулся! А ведь хотел провести день рождения за городом, сбежав от гостей и поздравлений. Но Анри намекнула, что после представления дома его ждет сюрприз, и Алекс с привычным теплым чувством подумал, как же ему повезло с женщинами.

Глава 1

Дабليون за десять тысяч

Примерно через полчаса она спрыгнула с подножки омнибуса, зацепившись второпях и едва не порвав юбку. Обошлось, только юбка непристойно взлетела до колен, и какой-то прохожий нахал залихватски присвистнул.

Покраснев, Маред перебежала улицу и шмыгнула к воротам знакомого особняка. Пришлось еще объяснять снисходительно cedящему слова швейцару, что ее ждут. Да, тьeda Изабель так и сказала: «В любое время». Нет, просто доложите, будьте добры.

Наконец ее пропустили. Еще на дорожке, ведущей от ворот к дому через аллею стриженных кустов, Маред увидела причину сомнений швейцара. У Кармайклов были гости. Пять или шесть экипажей стояло сбоку от дома, на дверцах некоторых даже поблескивали гербы, а из дома слышалась музыка. Значит, Изабель точно не до нее. Ну и пусть! Она же не на прием напрашивается. Отдать работу и получить деньги — дело нескольких минут. Изабель даже проверять ничего не нужно, потому что плохих дипломов Маред Уинни просто не делает. Да и не смогла бы наследница верфей ничего проверить: что ее рыжая головка с прической от лучших парикмахеров столицы понимает в экономических особенностях правления Годфруа Пятого?

Швейцар, все еще сомневаясь, передал Маред с рук на руки экономке, сухопарой особе с вечно поджатыми губами. Зато экономка знала ее в лицо и, хотя бросила неприязненный взгляд на злосчастные ботинки, слегка запыленные после мостовой Западного района, все же проводила Маред в библиотеку, пообещав пригласить тьеду Изабель.

Оставшись одна, Маред положила папку на стол и не удержалась, подошла к ближайшей полке и ласково провела рукой по темным корешкам с золотым тиснением. Показалось, что теплые кожаные переплеты отозвались, разве что за рукой не потянулись, но это, конечно, глупости... Изабель как-то обмолвилась, что отец по случаю купил библиотеку у разорившегося лэрда. Целиком, по весу, как мануфактуру или муку. Что и говорить, практичный человек тьен Кармайкл. Только книги у него выглядят, как сироты в хорошем приюте: чистенькие, выстроенные по росту и бесконечно одинокие. Разве действительно читающий человек поставил бы рядом руководство по управлению сукновальней и мемуары знаменитого полководца только потому, что у них переплеты похожи? Интересно, сама Изабель читает хоть что-то, кроме романов в ярких обложках, на которых мускулистые красавцы обнимают томных дев?

А вот и она, легка на помине. Влетевшая в библиотеку рыжеволосая красавица с растрепанными кудрями так и просилась на обложку пресловутого романа. Скинув туфли на высоченном каблуке, Изабель упала на диван у стены, поболтала ногами, так что нежно-сиреневый шелк пышной юбки заплескался в воздухе, и томно сообщила:

— Ох, устала!

Ну, еще бы. Финальные аккорды рамбиде, приглушенные стенами, доносились даже сюда. Маред выразительно глянула на папку, лежащую на столе. Не дождавшись, пока сладко потянувшаяся Изабель соизволит заинтересоваться, взяла диплом и сунула его почти под самый хорошенький носик с конопушками.

— Тьeda Кармайкл, ваша работа.

— О! Ты сделала! — всплеснула руками Изабель, и Маред насторожилась.

Удивление в голосе рыжей красотки было слишком уж нарочитым, будто она никак не ожидала увидеть заказ так скоро.

— Спасибо, милочка Уинни, спасибо, дорогая!

Вскочив, Изабель закружилась по библиотеке с папкой, держа ее на вытянутых руках. Надо отдать Кармайкл должное, с танцами у нее получалось куда лучше, чем с историческим правом.

— Пожалуйста, — вежливо ответила Маред. — Вы заплатите чеком или наличными?

Лучше бы чеком, конечно. Возвращаться домой с кругленькой суммой в кармане после полуночи — точно не лучшая идея.

— А, да... конечно... — рассеянно отозвалась Изабель, небрежно кинув папку на стол и подскакивая к открытому окну, из которого слышался шум подъезжающего экипажа. — Как хочешь, дорогая, только чуть попозже, ладно?

— Как... попозже? — выдохнула Маред, глядя на полуобнаженную спину Изабель, махавшей кому-то внизу рукой. — Вы же говорили — сегодня.

— Сегодня я никак не могу!

Сдвинув тяжелую темно-зеленую штору вбок и обернувшись, Изабель надула губки, став похожей на обиженную девочку.

— Ну, прости, дорогая! Представляешь, я купила такое платье! Ах, ты не представляешь! Оно потрясающее! Папенька сказал, что теперь целых две недели не даст мне денег. Ничего, все равно я успела заказать к нему сумочку... Ты же подождешь, правда? А через две недели я первым делом пришлю тебе деньги! Дай только адрес. Или, если хочешь, приезжай сама, мы как раз будем устраивать пикник. Я тебя приглашаю. Ну, не будь такой букой!

Пикник... Две недели... Маред вцепилась пальцами в край стола, у которого стояла. В глазах потемнело. Она же обещала, дура рыжая! Сказала, что деньги есть. Да Маред могла бы за это время написать два-три простеньких эссе и контрольную для юного лэрда Гленна с факультета истории! И хотя бы расплатиться за квартиру!

— Изабель, — в отчаянии она назвала соученицу по имени, чего с клиентами себе никогда не позволяла. — Я не могу ждать. Мне... нужны эти деньги...

— Но всего две недели!

В огромных синих глазах Изабель под крашеными пушистыми ресницами стояло искреннее удивление: как это кто-то не может подождать две недели.

— Я же правда не могу отдать, — добавила она почти жалобно. — Папенька очень сердится! Я еще проиграла триста крон в триколь, но мне просто не повезло... Прости, Маред, мне очень жаль. Я заплачу, правда-правда!

Триста крон — обещанная плата за диплом. Просадить триста крон в триколь, партия в котором длится не больше пары минут. Да Маред за квартиру платит сто двадцать пять в месяц!

Бессильная ярость встала комом в горле, непроходящей усталостью заныли спина и плечи. Никогда Маред не умела ни требовать, ни просить. На глаза сразу наворачивались глупые позорные слезы, дыхание перехватывало, и голос начинал дрожать и срываться... Это было мерзко и стыдно, так стыдно... Вот и сейчас она бы лучше просто повернулась и ушла, но тогда придется просить хозяйку об отсрочке, а эта бабища вновь начнет вопить на весь дом, что могла бы сдать квартиру порядочной девушке, с деньгами и не жгущей свет по ночам.

Это было еще хуже, и Маред решилась.

— Завтра, Изабель! — сказала она противно звонким и тонким голосом. — Ты найдешь деньги завтра! Попроси у матери, у кого хочешь. А если нет, я... пойду к мэтру Бюзье, твоему куратору. С исходными материалами, черновиком и списком литературы. Ты же знаешь мэтра Бюзье, он зануда еще тот. И что будет с твоей защитой, сама понимаешь! Да ты потом еще год будешь пересдавать, и это твоего папеньку точно не обрадует!

— Ты! Ты этого не сделаешь! — взвизгнула Изабель, кидаясь к столу, хватая лежащую между ними папку и прижимая ее к груди. — Гадкая Уинни! Я же сказала, что заплачу!

— Заплатишь, — подтвердила Маред застывшими почему-то губами. — Завтра. И только попробуй куда-нибудь уехать.

Отвернувшись, она сморгнула предательскую радужную пелену в глазах. Еще не хватало расплакаться перед этой... этой... Да для нее триста крон — партия в триколь, сама сказала, а Маред писала этот диплом две недели. Днем — в библиотеке, чихая над пыльными фолиантами времен Годфруа Пятого и набирая черновой текст на вычислителе, а потом вечерами — дома, правя, выверяя каждый абзац и лишь затем перенося на чистовик.

— Я пришлю за тобой Эмми! — выпалила Изабель и кинулась мимо Маред к выходу из библиотеки.

Сунув ноги в туфли, она выскочила за дверь, унося с собой проклятый диплом, а Маред смертельно захотелось кофе. Плевать, что уже ночь. Кофе всегда помогает, когда плохо. Отец очень любил его и варил сам, не доверяя экономке. Он и Маред с детства приучил к настоящему пролансийскому напитку: черному, горькому и крепкому до густоты. А вот Эмильен кофе не любил, он пил только сидр и всегда смеялся над его крепостью...

Отойдя от стола, она подошла к окну, подставляя горячие щеки ночному ветерку, глянула на черные крыши карет, лаково блестящие в лунном свете. Снизу все так же доносилась музыка, теперь уже лерданс, легкий, будто прозрачный. Изабель пригласила ее на пикник, надо же... Хороша же она будет на пикнике в серо-зеленом форменном платье и старой зимней обуви.

Теперь стесняться было некого, и Маред позволила себе тихонько всхлипнуть. Очень тихо, гораздо тише, чем звучал лерданс, и один-единственный раз, зная, что иначе просто расплачется. Еще не хватало идти потом через весь дом с распухшим носом и красными глазами. Хватит того, что щеки пылают — хоть омлет на них пеки, как смеялся отец.

Глубоко вздохнув, Маред шагнула от окна — и услышала треск. Глянула вниз и чуть не зарыдала. Да что за вечер такой! Юбка, вроде уцелевшая при прыжке с омнибуса, зацепилась за шляпку гвоздя, торчащую из кресла рядом. И теперь по шву зияла огромная дыра, которую едва сдерживала единственная нитка. В панике схватив подол, Маред попыталась хоть как-то подтянуть стежки. Ну что же это такое? Нитка застревала в жестком сукне, никак не желая растягиваться обратно, пока Маред не разорвала ее в нескольких местах и не связала кончики, соорудив подобие крупных стежков, держащих два куска ткани вместе.

И когда в коридоре послышались мужские голоса, она не сразу сообразила, что так и стоит с задранной почти до пояса юбкой. Голоса были совсем близко, Маред заметалась, пытаясь одновременно опустить юбку, выбраться из-за проклятого кресла, перегородившего ей проход, привести в порядок растрепавшиеся, как назло, волосы... Да она выглядела, как чучело посреди поля! Краснощекое растрепанное чучело в мятом драном платье! Кое-как одернув непослушный подол, Маред шмыгнула за широкую штору и замерла там, дрожа от стыда. Хоть бы не увидели! Светлые боги, хоть бы прошли мимо или поскорее ушли... «И

меня же будет искать экономка!» — с опозданием поняла Маред, отчаянно вжимаясь в стену.

— Я дал вам такую простую задачу! — раздраженно проговорил мужчина, проходя в глубь библиотеки, его шаги гулко раздавались по паркету, такие же быстрые и злые, как слова. — У него нет ни охраны, ни сигнальной системы! Сам хозяин уехал за город на неделю, а даблион... он просто лежит! На подставке! В гостиной! Этот проклятый фаталист смеется и говорит, что если украдут — это судьба. Мол, будет знать, что везение закончилось. Сам напрашивается! И вы морочите мне голову, говоря, что не можете справиться? За что я вам плачу? Я и так выдал аванс, но остальное — только после работы! Десять тысяч крон — это вам не шуточки, извольте за них потрудиться!

Десять тысяч? Маред стояла за шпорой, еле дыша и превратившись в слух. Они обсуждали ограбление! В доме тьена Кармайкла, его гости... Это не сам тьен, его густой бас Маред как-то слышала. А человек в библиотеке говорил гораздо выше, притом с брезгливой презрительностью, будто терпеть не мог собеседника, но вынужден был с ним общаться.

Второй забубнил, явно оправдываясь, но слишком далеко, чтобы Маред могла расслышать слова.

— Довольно! — рявкнул тот, что ближе. — Результат после денег! И не смейте появляться мне на глаза. Это приличный дом, не хватало еще, чтоб нас тут запомнили вместе. Идите и сделайте свою работу.

Точно, ограбление. Хотя нет, кража. Взлом и хищение особо ценного имущества. В голове Маред мелькали соответствующие статьи уголовного права, но как-то бесстрастно, словно костяшки на счетах. Большие старинные счеты стояли в кабинете у отца. Деревянная рама с потемневшими от времени деревянными кругляшками на бронзовых проволочках. Отец высчитывал на них плату за услуги, и костяшки сухо и звонко щелкали, совсем как подошвы туфель незнакомца, раздраженно меряющего шагами паркет библиотеки.

Маред зажмурилась. Если ее здесь найдут... Нет, ей ничто не угрожает... наверное. Не станут же ее убивать только за то, что она услышала разговор? А если сейчас уйдут — она и лиц их не увидит. Но... надо же что-то делать? Рассказать полиции! И кто ей поверит? Ее слово против слов наверняка почтенного гражданина, иной не оказался бы в гостях у тьена Кармайкла.

Второй снова что-то сказал, негромко и упрямо. Маред слышала его шаги, медленные и тяжелые. Человек прошел к середине библиотеки, обронил еще несколько слов, совсем тихо.

— Вон! — закричал вдруг первый. — Не смей мне угрожать! Подавись своим авансом и только посмей что-нибудь ляпнуть об этом деле! Забудь, слышишь?

Тяжелые шаги направились прочь, скрипнула дверь, и Маред осталась наедине с тем, кто пытался заказать кражу. Даблион? Это же просто старинная монета. Золотая, да, но — десять тысяч? Не может одна монета стоит десять тысяч крон! Или может? Ей как-то заказали исследование по нумизматике. Тема, далекая от обычного круга работы, но платили неплохо, и Маред согласилась. Заказчик остался доволен, а она узнала много интересного о производстве монет. Старинные и редкие монеты весьма дороги. Десять тысяч крон... Сумма вызывала болезненную глухую тоску, прямо осязаемую. Эта тоска сворачивалась где-то внутри под ложечкой, покусывала, отравляя мысли и чувства. Десять тысяч крон могли бы ее спасти. Десять тысяч...

— Прошу прощения, тьен Оршез, — раздался вдруг голос экономки, и Маред едва не сползла от ужаса по стенке. — Вы не видели здесь молодую тьену в сероватом платье?

— А? Нет, — отрывисто сказал мужчина, и экономка, извинившись, удалилась.

Маред перевела дух. И тут невезение, весь вечер преследовавшее ее, вернулось с новой силой.

— Тьену? — недоуменно проговорил мужчина. — Хм...

Дрожа, Маред слышала, как он прошел по библиотеке, заглянув за высокие полки с книгами. Если бы она могла решиться — и выскочить мимо него! Подобрать подол, рвануть в коридор... А дальше что? Поднять шум и заявить, что этот Оршез — вор? Да кто ей поверит?

— Хм... — послышалось совсем рядом. — Ах, вот как!

Замерев, Маред опустила глаза и чуть не застонала — край юбки предательски торчал снизу из-под кресла.

— Маленькая птичка шпионит?

Штора рывком отдернулась в сторону. Перед глазами Маред мелькнула крепкая мужская рука, круглое лицо с низким лбом и мясистым носом, темные, глубоко посаженные глаза.

— Так-так...

Отступив на шаг, мужчина в дорогом сером сюртуке разглядывал ее, словно диковинную зверюшку.

— Пустите! — сказала Маред тем же отвратительно жалким голосом, что и в разговоре с Изабель. — Я ничего не слышала!

— Совсем ничего? — прищурился мужчина, ощупывая взглядом ее всю с головы до ног.

Маред словно увидела себя его глазами: глухое темное платье, скрывающее формы, потертые ботинки, простой узел волос с выбившимися прядями и лицо без малейшего следа косметики, зато в красных пятнах стыда.

— Я гостя тьеды Изабель, — выпалила она, не зная, что еще сказать. — Пустите, или я буду кричать!

— Правда? И что именно? — усмехнулся Оршез, или как его там. — Я на вашу невинность не посягаю. А вот вам, дорогуша, придется доказать, что вы не воровка.

— Что? — не поверила ушам Маред, держась за злополучное кресло и пытаясь расправить второй рукой непослушную юбку. — Я ничего не крада!

— А вот это еще вопрос, — подмигнул ей мужчина. — Что вы тут делаете, ну? Быстро говорите!

— Ничего! — вспыхнула Маред. — Я пришла к Изабель! К тьеде Кармайл! И зашла... поправить платье...

— В библиотеку. За штору, — осклабился Оршез. — Ну-ну, детка... Больше похоже на то, что ты собиралась стянуть что-нибудь. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь. Это ведь платье студентки? Ты из этих... благонамеренных девиц? — передразнил он слова указа, рассматривая Маред с каким-то новым выражением, откровенно оценивающим и в то же время задумчивым.

— Не ваше дело, — огрызнулась Маред, ободрившись и сообразив, что ничего по-настоящему плохого ей этот негодяй не сделает.

Она, конечно, не может доказать, что он вор, но и его слова недорого стоят.

А потом Оршез, придя к какому-то мнению, прищурился и вкрадчиво — так ему самому, наверное, показалось — спросил ее:

— Раз уж вы все слышали, дорогуша, не хотите ли подзаработать?

— Что? — вспыхнула Маред, не сразу сообразив, что ей предлагают, а поняв — пришла в ужас. — Я не воровка!

— А кто говорит о воровстве? Просто маленькая дружеская шутка.

— За которую вы хотели заплатить десять тысяч? Хотя не так это и много за семь лет тюрьмы!

— Тихо, дурочка, не кричи, — поморщился Оршез. — И не строй из себя святую невинность. Ты же бедна, как церковная мышь, — думаешь, не видно? Подруга Изабель, говоришь? Стоит мне сказать словечко, и ты вылетишь из этого дома да еще заработаешь репутацию шлюхи в придачу. Если я, например, скажу, что ты ко мне приставала и просила денег за услуги.

— Вы... не посмеете, — прошептала Маред, безуспешно пытаясь отступить, но получилось только вжаться в стену.

— Боюсь, что посмею. Или нет, лучше я скажу, что ты не просто приставала ко мне, а соблазнила. И только потом попросила денег. Ты ведь не девица, а? Миленькая вдовушка...

Его взгляд уперся в кольцо на пальце Маред, потом мазнул по груди под платьем, и Маред показалось, что ее погладили грязной липкой рукой. Музыка внизу сменилась мягким плавным ровенто, Маред чувствовала чужой взгляд и не могла даже крикнуть. Горло перехватило, она представила, что придется рассказывать тем, кто прибежит на ее крик. Про деньги, юбку, шторы... И все эти взгляды, недоуменные, презрительные, жалостливо-брезгливые...

— Ну что? Соглашайся. Только подумай, сколько симпатичных платьишек ты сможешь купить на десять тысяч крон. Вылезешь из этого убожества, причешешься, наклеишься и поймашь нового муженька.

— Пустите... — глухо сказала Маред.

Она напряглась всем телом, готовясь закричать, броситься на мерзкую тварь, сделать хоть что-нибудь, но тут в коридоре послышались голоса.

— Десять тысяч, — прошептал Оршез. — Полновесных новеньких крон. Таких сладеньких, м-м-м... Всего за одну старую монетку! Это даже и не кража, дорогуша. Разве справедливо, что кто-то может блистать на балах, как наша дорогая Изабель, а кто-то ходит в начале лета в ботиночках, которые вот-вот порвутся?

Маред смотрела в темные маленькие глазки, жадно прилипшие к ее лицу. Смотрела — и не могла заставить себя сказать нет. Он говорил мерзости! Отвратительные, грязные, непристойные... И все же это была правда. Она всего лишь хотела заработать немного денег. Две недели не вставала из-за книг, мечтая, как заплатит за квартиру, купит еды и новые туфли, будь они прокляты! А хорошенькая избалованная богачка проиграла ее оплату в триколь! И она-то окончит Университет, получив диплом, который заработала для нее Маред. Диплом, который ей даже не нужен, как не нужны книги ее отцу!

А Маред не станет королевским стряпчим. Она вообще никем не станет, потому что хочет быть только правоведем, другой судьбы ей не нужно, да вот только и сама она никому не нужна, ни одному человеку на свете. И можно учиться хоть до обмороков — без десяти тысяч за семестр это бесполезно. Она перепробовала все! Продала отцовский дом, оставшись без единственного места, куда всегда могла вернуться. Просила кредит в банке, пыталась заработать сама — и все напрасно.

«Что же вы со мной делаете? — хотелось ей закричать. — Почему так несправедливо, так обидно и больно жить? Кому-то балы, восхищенные взгляды и весь мир в подарок, а мне мозоли на пальцах, красные от бессонницы глаза и работа с утра до ночи и с ночи до утра. Да и той не дают!»

А даблион... Старый золотой кругляшок — и семестр учебы на другой чаше весов. Вот

так вот просто, за один гадкий поступок, от которого потом самой будет стыдно и противно, семестр оплачен! А там она бы выкрутилась как-нибудь!

Маред поморгала. Слез не было, глаза просто горели от усталости.

— Почему вы сами его не возьмете? — прошептала она, ища хоть какой-то повод, чтобы отказаться, и уже понимая, что сдалась. — Если это так просто...

— А не хочу ему врать, — весело сказал Оршез, глядя на нее понимающим взглядом. — Он же сразу заподозрит. Спросит: «Ты?» А я прямо-то соврать не смогу. Вот если у кого-то купить-забрать, то и дело совсем другое. Ты потерял, я купил. Какие претензии? Вот не поверишь, дорогуша, я ведь ее честно хотел выкупить. Немалые деньги предлагал. Уж куда побольше десяти тысяч. Ну что она ему? Безделушка! А мне для коллекции... Впрочем, дорогуша, это уже тебя не касается. Твое дело маленькое. Войти в нужный дом, открыть замок — я тебе кодовые цифры скажу — и принести мне монетку. Ну что, поладили?

Маред глубоко вдохнула, как в детстве перед прыжком в ледяную воду. Стены библиотеки еле заметно мерцали и плыли вокруг, подмигивали блеском позолоченных корешков. Решись — и мир станет совершенно иным, как и ты сама. Откажись — и всю жизнь, набирая на вычислителе бумаги в какой-нибудь конторе, будешь корить себя за упущенную возможность. Что же вы со мной делаете? Изабель Кармайл, Оршез, ректорат Университета... Я же просто хочу жить и исполнить свою мечту! Даже не в подарок ее получить, а заработать. Собственным умом, трудолюбием, терпением... Я учиться хочу. И выбраться из Западного района с его вездесущими тараканами.

— Десять тысяч, — проговорила она, слыша свой голос со стороны, как чужой. — Никаких чеков, только наличные. Принесете в людное место, я скажу — куда.

— Вот и отлично, дорогуша. Вот и договорились!

Оршез с издевательской галантностью отодвинул перед ней кресло, подал руку, от которой Маред шарахнулась, как от мохнатого амбарного паука — со страхом и гадливостью.

Тик-так, тик-так... Огромные напольные часы тикали так громко, что казалось, их и на улице должно быть слышно. Даже музыка снизу не могла перебить их назойливый ритм. Тик-так. Вот так, Маред Уинни, вот так. Рискнешь или нет? Выпитый за день кофе стоял в горле, перекрывая его тяжелой маслянистой горечью. «Все равно пожалею, — подумала Маред. — В любом случае. Но лучше жалеть о том, что сделала, чем о том, что упустила. Дайте мне один-единственный шанс, и я больше никогда в жизни не нарушу закон. Хотя бы один шанс, пожалуйста!»

Она шагнула от окна навстречу неизбежному, каким бы оно ни было.

Глава 2

Мышеловка для Чернильной Мыши

Еще совсем недавно ей казалось, что самая большая сложность в жизни — это не оплаченный дурехой Изабель заказ. Порванное платье, стоптанные башмаки, крики домовладелицы... Какой мелочью все это казалось теперь! И как она могла согласиться?

Маред съежилась на заднем сиденье легкого летнего ландо тьена Оршеза, беспомощно глядя на стремительно летящие за окном картины. Ночь в Старом городе отличалась от ночи в Западном районе, как сказочная принцесса от своей потерянной в детстве сестры-нищенки. Разноцветные огни фонарей и окон, леденцово-яркие гирлянды вывесок, музыка из ночных заведений, нарядные прохожие и шуршащие мимо по мостовой мобилеры — Маред словно попала в совершенно другой город. Здесь даже пахло иначе: вместо печного дыма, гари из портовых труб и непреходящей вони уличных канав — дурманной липовой сладостью, шлейфом женских духов и мужской ароматной воды, сигарами, ванилью и чем-то еще, что Маред могла только вдыхать, не зная, как назвать. Запах роскоши, свободы, удовольствия...

А она, прижавшись к мягкой стенке чужого экипажа, слушая ровный ритмичный цокот копыт и стискивая сумочку-кошелек на поясе, чтоб хоть чем-то занять руки, чувствовала себя самозванкой. Только в сказках бедная сестрица находит богатую родню, раскрывающую ей объятья. В сказках да в романах... Маред всегда знала, что жизнь на сказку не похожа, отец постоянно твердил ей об этом. И теперь не могла поверить, что всего одна ночь, даже меньше — пара часов этой ночи могут сделать то, что не получилось у нее месяцами тяжелой работы. Десять тысяч за одну монетку? Только за то, чтобы подняться по лестнице, набрать цифры на замке, зайти в чужой дом...

Дальше воображение отказывало, потому что Маред просто не могла представить, как должен выглядеть дом, хозяин которого держит монету ценой в десять тысяч в гостиную как простую безделушку. У них дома в гостиной стояли фарфоровые статуэтки пастухов и пастушек, по вторникам и субботам Маред стирала с них пыль, не доверяя пожилой подслеповатой горничной. Но тем статуэткам цена была несколько крон...

В голову лезла всякая ерунда, впереди маячил коротко стриженный затылок тьена Оршеза, вырастающий прямо из высокого воротника сюртука, и Маред старалась не смотреть на этот наглый самодовольный затылок, словно тьен мог почувствовать ее взгляд. Набрать цифры, войти в дом... А швейцар? Прислуга? Ах нет, это не особняк! Какая она дура, Оршез ведь сказал, что это квартира в доходном доме. Не в таком, разумеется, как тот, где живет она сама. Хозяин монеты снимает апартаменты для джентльменов, у него несколько комнат в огромном трехэтажном здании возле набережной. И прислуги нет, он любит уединение. Как состоятельный человек может обходиться без прислуги, Маред не понимала, но Оршезу поверила. Все-таки врать было совсем не в его интересах. Тьену Оршезу нужна монета, и его указания были достаточно подробными и толковыми.

Маред снова передернулась, с трудом отгоняя желание рвануть на себя ручку экипажа и выскочить на мостовую. Как же страшно и стыдно! Она не воровка, никогда в жизни ей в голову не приходило взять чужое! И что ей делать потом, неужели всю жизнь жить с осознанием того, что цена ее учебы — преступление?

— Вы там не замерзли, дорогуша? — не оборачиваясь, спросил Оршез, и Маред замотала головой, потом сообразила, что ее не видят, и выдавила из пересохшего горла:

— Нет, благодарю... Долго еще?

— Почти на месте. Все запомнила, красотка?

Хоть бы не издевался! Какая она ему красотка! Маред вспыхнула, но тут же прикусила губу, сдерживая отповедь. И правда, с чего Оршезу относиться к ней с уважением? К воровке-то...

Экипаж остановился, напоследок прошуршав упругими каучуковыми шинами, один из пары серых в яблоках меринов громко фыркнул. Оршез сидел, не шевелясь, и Маред, поняв, что никто не собирается предлагать ей руку, сама повернула рукоять негнушимися пальцами, толкнула дверцу и неуклюже выскочила на тротуар.

— Может, вас все-таки подождать?

В свете как назло яркого фонаря тьен Оршез выглядел просто образцом респектабельности, но Маред упрямо мотнула головой. Она, конечно, дура, но не настолько. Отправиться с монетой прямо к почтенному тьену, положившись на его щедрость и благородство? Ну уж нет.

— Позвоню сама.

Пожав плечами, Оршез наклонился вперед, что-то говоря кучеру, скрытому от пассажиров за глухой шторкой, и через пару мгновений ландо тронулось дальше. Маред отчаянно проводила его взглядом, потом обернулась на громаду ярко освещенного дома в паре дюжин шагов от себя. У каждого из пяти роскошных парадных стояли закрытые кареты, легкие ландо и даже надменно красивые мобилеры. У второго, нужного ей, их было особенно много... Или ей кажется, что больше? Что толку гадать, она даже не знает, сколько здесь квартир.

По привычке подхватив многострадальную юбку, хотя здесь тротуар перед домом блестел чистотой, Маред прошла по широкой дорожке между экипажами, чувствуя, как теплый ветер дует в спину, шевелит волосы на затылке и висках. Голова кружилась... Ничего, это просто страх. Она выпила слишком много кофе, а ела последний раз еще в обед, и то второпях. Спокойнее, надо вести себя спокойнее... Она справится, правда ведь? Быстро и тихо сделает задуманную гадость — и уйдет.

Тяжелая дверь подалась на удивление легко: петли здесь смазывали на совесть. Маред прокралась по темно-зеленой ковровой дорожке между кадками с большими цветами, покосилась на дремлющую за стеклянной стеной консержку. Приготовилась соврать, но консержка спала крепко, не проснувшись от ее осторожных шагов.

«Этажом выше живет некая Розалия, гадалка. Сомнительная личность, зато посетители у нее бывают в любое время дня и ночи. Вы, дорогуша, своим визитом никого не удивите», — снова прозвучал в ушах лениво-уверенный голос Оршеза. Ему легко говорить, сам-то не пошел!

Маред на цыпочках взбежала по лестнице, остановившись только на первой площадке, откуда ее уже не было видно снизу. Оршез — мерзавец. Да, он подробно описал ей квартиру и назвал секретный код замка. На бумажке не написал, но уж на память Маред никогда не жаловалась и семь цифр запомнила с первого раза — было бы что запоминать. Но, главное, про комнаты и мебель почтенный тьен говорил как человек, видевший их. Значит, бывал здесь. Да и сам Оршез упоминал, что не раз пытался купить монету у владельца. У человека, которого знал, который принимал его в своем доме. Какой же мерзавец... Как бы ни хотелось

заполучить красивую редкую безделушку, но воровать у знакомого? Может, даже у друга?

А сама? «Но я не для коллекции, — попыталась оправдаться перед собственной грызущей совестью Маред. — Эти деньги мне нужны, как никогда в жизни. Да и хозяина монетки я не знаю, а его сувенир — мое единственное спасение».

Вот и нужная лестничная площадка. Замерев, подобно охотничьей собаке в стойке, перед массивной дверью из полированного дуба, Маред прислушалась. Показалось или снизу кто-то поднимается? Код... Семь цифр торчали в памяти болезненно, как заноза. Маред неловко провернула блестящие бронзовые колесики замка, механизм негромко щелкнул. Толкнула дверь, за которой было тихо и темно. Переступая порог, она еще пыталась не спешить, но кровь стучала в висках, мешая сосредоточиться, а сзади совершенно точно кто-то поднимался!

И она скользнула внутрь прихожей, прикрывая за собой дверь. Та предательски захлопнулась, а Маред оказалась в густой темноте, пахнувшей какими-то благовониями, цветами, смесью духов, сигарного дыма, спиртного... Откуда? Откуда здесь столько запахов?

Рванувшись назад, Маред уперлась спиной в закрытую дверь, но мгновенно в ее плечи кто-то вцепился, с другой стороны подхватили под руки, потащили, хихикая в ухо, почти внесли и поставили, в полной же темноте, на пушистый ковер.

— Сюрпри-и-и-и-из! — пропела-проорала хором чуть ли не сотня плоток, так ей показалось.

Вспыхнул яркий свет. Маред прикрыла лицо руками, оглушенная, перепуганная, но вокруг хлопали пробки шампанского, звенели бокалы, и сбежать... Куда сбежать? Как?

— Ого... — проговорил кто-то в стремительно наступающей тишине. — Да это не наш сюрприз. Это чей-то другой... Лэди, вы кто? И что здесь делаете, позвольте узнать?

— Алекс, это к тебе?

Голоса снова было загомонили, кто-то бесцеремонно отвел руки Маред от лица, потянул ее за ладони, разворачивая...

— Ну, раз лэди явилась в мои апартаменты, значит, ко мне, — сказал негромкий, но как-то очень четко разрезавший шум голос — и стало тихо.

Маред открыла глаза, щурясь от яркого света. В якобы пустой квартире огромную гостиную заполняла толпа разномастного народа. То ли карнавал, то ли вечеринка, но на какой вечеринке могут позволить себе так выглядеть? Женщины и совсем юные девушки в вычурных нарядах: одни в роскошных бальных платьях, другие в костюмах пажей или служанок. Мужчины в сюртуках, фраках и мундирах, как положено в приличном обществе, но вот мелькнул обнаженный торс, будто у древней статуи, и никого это, кажется, не шокировало. А там, у стены, пара юношей, разодетых в яркие тряпки, которые и одеждой-то назвать язык не повернется. Невольно взгляд зацепился за странную деталь, и Маред обомлела от ужаса: на шее миленькой шатенки, одетой горничной, красовался широкий кожаный ошейник, поводок от которого держала высокая худая женщина в мужском сюртуке и бриджах! Бригитта милосердная, куда она попала? Что это за вертеп? Маскарад, может?

— Алекс, — все так же негромко представились ей откуда-то сбоку и почему-то именем вместо фамилии, да еще и неполным. — Хозяин этой квартиры, именинник. А вы, я так понимаю, мой подарок?

Маред повернулась на голос. Сердце ухнуло куда-то в подгибающиеся колени и затрепыхалось там. Влипла! Все-таки влипла... Вас же не должно быть дома!

К счастью, хватило ума не ляпнуть это вслух. Она спокойно — насколько могла —

посмотрела в прищуренные серебристо-серые глаза. Взгляд у хозяина даблиона был тяжелый. Маред сглотнула слюну, чувствуя, как сразу пересохло во рту, и выдавила:

— Прошу прощения, здесь какая-то ошибка. Боюсь, я перепутала квартиры...

Вокруг все молчали, глядя на нее с интересом, и отступать было совершенно некуда. Еще раз сглотнув и обмирая от стыда, Маред продолжила:

— Еще раз прошу прощения за беспокойство. Я пришла к тьене Розалии, но... перепутала. Дверь была не заперта...

«Вот сейчас он отправит кого-нибудь к этой гадалке — а та скажет, что знать меня не знает и не ждала. Бригитта, помоги!»

— Бывает, — коротко бросил Алекс.

Он единственный в комнате сидел на диване, закинув ногу на ногу, покачивая в пальцах стакан с чем-то золотистым и прозрачным. Высокий, черноволосый, лет тридцати пяти или немного старше, непривычно для столицы загорелый и коротко постриженный... Одет хозяин квартиры тоже был странно: в простые темные брюки и свободную белую рубашку с расстегнутым воротником, непристойно обнажающим шею и часть груди. Не почтенный тьен, а авантюрист какой-то!

За спиной хлопнула дверь: кто-то вошел — и по гостиной прокатился гомон. Маред обернулась, с трудом отведя взгляд от хозяина апартаментов. Посреди гостиной шагах в трех за ее спиной стояла белокурая красавица с распущенными по спине и плечам локонами, ярко накрашенная и одетая во что-то прозрачное, шуршащее при каждом движении и держащееся на нескольких золотистых ленточках. Ох, разврат какой... Это и есть... подарок?

— Ну... — дрожащим голосом проговорила Маред, — я пойду? Полагаю, вы ждали не меня, а эту... даму... И раз все выяснилось...

— Может быть, — слегка протянул Алекс, наклонив голову набок и внимательно рассматривая Маред. — А может — и нет. Видите ли, я точно помню, что дверь была заперта. Мы как-то не ждали незваных гостей, совсем наоборот. И это делает ваше появление очень любопытным. Или вы хотите сказать, что тьена Розалия назвала вам код моего замка? При всем уважении к ее пророческому дару позвольте усомниться.

По спине Маред словно просыпалась ледяная крошка. Вокруг плеснуло смешками, тихими репликами. Хихикнула даже блондинка в ленточках. Щеки Маред снова запылали от стыда и злости, она выдохнула, непонятно что собираясь сделать, но ей и слова сказать не дали.

— Нет, полиция пока лишняя, — улыбнулся Алекс в ответ на вопрос откуда-то из-за спины. — Сам разберусь.

— Помочь, Алекс? — оживился разбойничьего вида мужчина в темном мундире и с гладко выбритой головой. — Может, поиграем?

Маред передернуло. Они что, собираются... Да нет, быть не может! Или... может? Но здесь вокруг люди, она будет кричать.

— Пожалуйста, позвольте, я просто уйду, — попросила она, снова с отвращением слыша, как дрогнул голос. — Я же ничего не сделала.

— С этим стоит поспорить, — меланхолично отозвался Алекс, уделяя больше внимания стакану, чем Маред. — Все-таки дверь определенно была замкнута. Тим, проводи нашу незваную гостью ко мне в кабинет. Мы с ней побеседуем.

— А подарок? — произнес кто-то с искренним огорчением. — Лэрд Корсар, мы же старались! Это лучшая танцовщица столицы!

— Думаю, — мягко и хищно улыбнулся Алекс, — подарок я уже получил, причем замечательный. Благодарю, друзья мои. Мне очень приятно. Эта прекрасная дева с удовольствием станцует для вас. Развлекайтесь, не ждите меня.

Кто-то из толпы залихватски свистнул, совсем как уличный мальчишка, кто-то рассмеялся высоким звонким голосом. И все смотрели на нее! Маред втянула голову в плечи, безуспешно пытаясь съежиться, стать незаметной... Ну вот почему нельзя провалиться сквозь пол? И что же теперь с ней будет?

Тяжелая рука легла ей на плечо, и Маред вздрогнула, но страшный тип в мундире всего лишь подтолкнул ее к выходу, а потом негрубо, но не оставляя даже шанса вырваться, довел до кабинета. Маред перешагнула порог, встала у стены. Следом вошел Алекс, дернул за шнур, и маленькая астероновая лампа залила кабинет ослепительно-ярким светом. Поморщившись, хозяин потянул за шнур еще раз — свет стал гораздо слабее и мягче.

Не выпуская из рук стакана, Алекс опустился в низкое кресло у письменного стола, лениво глянул через плечо Маред на Тима, или как его там, и велел:

— Выверни ей сумочку.

Ловко сорвав сумочку с пояса Маред, бритоголовый потрянул ее над столом, высыпав нехитрое содержимое. Ключ с медным брелком-бабочкой, носовой платок и фониль оказались в круге света перед хозяином квартиры. Маред, сжав губы, молча ждала.

— Благодарю, Тим, можешь идти.

Дверь за спиной Маред безнадежно щелкнула замком, совсем как ловушка. Мышеловка для глупой Чернильной Мыши...

— Присаживайтесь, тьeda, — мягко попросил ее Алекс, указывая кивком на второе кресло у стола. — И рассказывайте.

— Тьена, — буркнула Маред, пытаясь собраться хоть с какими-то мыслями.

— Как скажете, — легко согласился хозяин квартиры, приглядевшись к ее руке с вдовьим кольцом. — Итак, тьена... простите, не знаю вашего имени.

— Я уже все сказала, — упрямо повторила Маред. — Это вышло случайно.

Поколебавшись, она села в кресло под тяжелым пристальным взглядом, к которому любезный тон его обладателя шел не больше, чем бархатные ножны к мясницкому топору.

— Вы случайно открыли дверь, выставив на замке код. Случайно вошли в незнакомую квартиру этажом ниже. Случайно пришли именно в тот вечер, когда меня не должно было быть дома, — бесстрастно перечислил Алекс. — Я поверил бы в одну случайность, но не в три. Случайно здесь только то, что мои друзья решили устроить мне праздничный сюрприз, и он совпал с вашим... визитом. Я хочу знать, зачем вы пришли. И кто вас послал, разумеется.

— Никто, — тихо сказала Маред.

В голове каруселью крутились страницы Большого Кодекса Наказаний, мелькали составы преступлений с цифрами возможных сроков. Бригитта мудрая и справедливая... Что ей можно предъявить?

— Незаконное проникновение в частное жилище, кража с причинением значительного ущерба, предварительный сговор — не сами же вы мой код угадали, — словно отвечая на ее мысли, спокойно перечислил Алекс. — Рассказать, на сколько это потянет?

— Кражи не было, — едва слышно проговорила Маред. — И сговор... вы не докажете. Я... случайно угадала код. Перепутала квартиру. Вы ничего... не докажете.

Алекс удивленно поднял брови.

— А вы нахалка, тьена. И вдобавок разбираетесь в уголовном праве. Имеете опыт общения с полицией? Или...

Он присмотрелся к ней с новым интересом, совсем как тьен Оршез незадолго до этого, и медленно, с удовлетворением человека, видящего любопытную загадку, спросил:

— Форма настоящая? Это легко проверить, так что врать не советую. Неужели Королевский Университет теперь готовит воров? Точнее, воровок...

Маред сжалась в кресле, глядя на собеседника с ужасом. А тот все с той же опасной мягкостью продолжил:

— Я задал вам вопрос. Или вы предпочитаете отвечать полиции? Форма — настоящая? Факультет правоведения?

— Да... — выдохнула Маред и с отчаянием обреченной выпалила: — Хотите вызвать полицию — вызывайте! Про свою... вечеринку вы им тоже расскажете? И как с подарком меня перепутали? А ваши гости пойдут в свидетели?

— Наха-алка, — с явным удовольствием протянул Алекс, поднося к губам стакан.

Глотнув, потянулся, поставил его на столик.

— Кошечка показывает коготки? Ну-ну... Что ж, в чем-то ты, девочка, права. Моим гостям светиться перед полицией не с руки. Да и мне тоже. Только тебе это не поможет. Сама подумай: сейчас ночь, и до утра, пока прибудет следователь, тебя отправят в камеру к обычным воровкам, нищенкам и шлюхам. А при моих связях... В общем, с такой нахальной милашкой там очень многое может случиться. И возможно, что уже утром тебе окажется не до разоблачений. Веришь?

Он подался вперед, улыбаясь весело и азартно, явно наслаждаясь происходящим.

— Поверь мне, девочка, попасть в тюрьму, хоть и ненадолго, будет ужасной глупостью с твоей стороны. Особенно если ты действительно студентка. Но есть и другая перспектива...

— Какая? — почти всхлипнула Маред, не в силах отвести взгляд.

Вместо ответа собеседник взял ее фониль, покрутил в пальцах и бросил в ящик стола. Потом продолжил, роняя слова спокойно, почти скучающе:

— Допустим, я тебя просто отпущу, чтобы не расстраивать своих друзей возможной оглаской. Из Университета, конечно, придется уйти. Согласись, воровке не место в этой профессии. Если посмеешь остаться, я пушу такие слухи, что после обучения тебя ни в одну вшивую купеческую конторку не возьмут даже поломойкой. Разве что очень далеко от столицы! И то для правильно запущенных слухов расстояния не существуют. А слово Александра Монтроза стоит дорого. Ты обо мне, случайно, не слышала?

Монтроз?! Так вот почему его так называли в гостинной — лэрдом Корсаром! Темные боги... Маред задохнулась глотком воздуха. Она пыталась обокрасть Александра Монтроза? Хозяина юридического дома «Корсар»? Одного из дюжины королевских стряпчих? Дура, трижды три раза дура! И винить же теперь некого...

— Вижу — слышала, — удовлетворенно кивнул Монтроз.

Из гостинной даже сквозь плотно запертую дверь доносилась музыка, там вовсю развлекались. Маред вспомнила местную публику — и содрогнулась. И это гости королевского стряпчего, оплота законности? А сам хозяин! Приходилось ей слышать о закрытых клубах для аристократов, где процветали немыслимые пороки, но такие места обычно принадлежали Ночному народу, как в столице вежливо называли вампиров. У нежити нет морали и понятий о приличии, как нет бессмертной души. Но люди! Бригитта милосердная, ведь Монтроз не врет. Ее просто не выпускают отсюда...

И без того красные щеки запылали еще сильнее, губы мгновенно пересохли. Маред представила, что с ней сделают в полиции, если она хотя бы намекнет, что королевский стряпчий Монтроз... Да ему слово стоит обронить — и ее сотрут в порошок! Но... если бы он собирался вызвать полицию, то уже вызвал бы. Значит, об этом можно не думать. Это он ее просто пугает, как пугал возможным скандалом Оршез. Второй раз она на такую уловку не попадется. А вот вторая угроза — это серьезно. Ее вышвырнут из Университета. Если Монтроз пожелает — найдут к чему придраться и вышвырнут. Тем более что денег на оплату все равно нет. Мерзавец Монтроз... Какой же негодай! Но... он прав. Маред сама виновата во всем. Только... чего же он хочет? К чему ведет?

— А третий вариант какой? — изо всех сил стараясь не сорваться в бесполезные слезы, проговорила Маред.

— А ты уверена, что есть третий вариант? — делано удивился Корсар и тут же рассмеялся. — Ну да, есть. Умница. Только, прежде чем я его назову, ответишь на один вопрос. Что ты должна была сделать или украсть?

Он расслабленно откинулся на спинку кресла, не сводя с Маред блестящих глаз и откровенно рассматривая ее. Выглядело это не так мерзко, как у Оршеза, потому что во взгляде Монтроза не было презрения, но тем... опаснее. Маред облизнула сухие губы. Говорить? Оршезу она ничем не обязана. Тот ее вообще заставил, если начистоту. Хотя и сама хороша... Сказать? Или нет?

— Я тебе, пожалуй, помогу с моральными терзаниями, — тихо сказал Монтроз. — Если будешь молчать, возможен еще и четвертый вариант. С участием кого-нибудь из нашего клуба. Например, Тима, как он и предлагал с самого начала. Тим очень любит симпатичных девушек. Правда, после общения с ним они перестают быть такими симпатичными... Ты любишь грубых мужчин, девочка? Сомневаюсь в этом. Значит, говори. И поверь, тебя саму сдали бы без малейших раздумий.

— Дабليون, — решила Маред. — Я... должна была взять дабليون.

На душе было мерзко, словно она окунулась в грязь по уши, и теперь та стекает с лица, мерзкая, вонючая. Монтроз смотрел с удовлетворением, в котором Маред чудилась явная нотка презрения. Извращенец проклятый. И он, и его друзья. Разве ему понять? Сам-то, наверное, счета деньгам не знает! Но уговорить собственную совесть не получалось: никто сюда Маред силой не тянул. Могла бы отказаться!

— Понятно, — усмехнулся наконец Монтроз. — Я-то думал... не важно. А это просто чокнутый Эдвард со своей манией заполучить мой дабليون? Сдал тебе код и прислал сюда. Прелесть какая. Ну спасибо, девочка, порадовала.

Он улыбался холодно и жестко — Маред сразу поняла, за что этого человека прозвали Корсаром. И посочувствовала себе и несчастному Эдварду Оршезу, пожалуй. Такой на рею уже не вздернет, не принято это в просвещенном девятом веке от Конца Тьмы, но и пакости не простит. А Оршез, как ни крути, задумал именно пакость.

— Третий вариант, — напомнила она. — Вы обещали.

— Разумеется, — откликнулся Монтроз, возвращаясь к прежнему ласково-насмешливому тону. — Я сам тебя накажу. Без участия полиции, лэрда декана и кого-либо еще.

— Накажете? Как?

Монтроз пожал плечами, посмотрел на стакан, потом снова на Маред — равнодушно, почти скучающе.

— Для начала выпорю. И не смотрите с таким ужасом, тьена студентка. А чего вы ждали за воровство? Или все-таки предпочитаете полицию? Разбирательство, суд и тюрьму?

Маред помотала головой, не в силах вымолвить ни слова — горло перехватило спазмом.

— Ну и правильно. Если вы первый раз решились на такое, то есть шанс, что поможет. А вот потом...

Он покачал стакан с темным золотом в руке.

— Потом вы проведете со мной остаток этой ночи. Должен же я получить компенсацию за беспокойство?

Потерянный было дар речи вернулся: от возмущения. Маред вспыхнула от ушей и до кончиков пальцев на руках, словно по жилам вместо крови полился кипяток. Вжалась в кресло, приготовившись вскочить, и выпалила:

— Да как вы смеете! Я не такая! Я...

— Так в этом и интерес, — хмыкнул Монтроз, не переставая ее рассматривать. — Вы же видели эту прелесть, что мне преподнесли? Очаровательно, правда? И наверняка скучна до одури, как всякая продажная женщина. А с вами, моя радость, все будет по-настоящему. Невинной девушке я бы подобное не предложил — слишком много мороки. Но вы-то вдова. Притом не простолюдинка, а все-таки тье, значит, болтать об этом приключении не будете — побережете репутацию. И терять вам, учитывая обстоятельства, решительно нечего. Придется, правда, потерпеть, привычки в постели у меня весьма... экстравагантные. Но уж точно не страшнее пяти-шести лет в Шестронской женской тюрьме. Ничего с вами от одного раза не случится. Зато будете спокойно учиться дальше: без полиции, без проблем, с чистой репутацией...

— Я не... шлюха, — повторила Маред, стиснув пальцами подлокотники кресла. — Лучше вызывайте полицию!

Монтроз, поставив стакан на стол, легко поднялся из кресла, будто развернулась тугая пружина. Шагнул к Маред, наклонился, опираясь ладонями о подлокотники. Она замерла, как перед хищным зверем, едва дыша. А в нем и было что-то от крупного хищника. Серебристо-серые глаза оказались совсем рядом, пахло горьковато-свежей душистой водой и бренди, а из-под всего этого пробивался еле уловимый запах мужского тела, и Маред чуть не заскулила от страха и отвращения.

— Полагаешь, это лучше? — тихо-тихо спросил Монтроз. — Ты хоть видела, что такое тюрьма? На грязных нарах с товарками по камере или в караулке у охранников тебе понравится больше? Глупая девчонка, за тебя же никто не заступится. Думаешь, Эдвард Оршез не сумеет откупиться или свалить все на тебя? И учти, что мне стоит пообедать с королевским обвинителем — и ты пожалеешь, что на свет появилась.

— Не надо...

Губы не слушались. Маред вдруг поняла, что происходит: вот прямо здесь и сейчас. И никак это не остановить, словно в страшном сне, когда руки-ноги не слушаются. Дура. Какая же она дура. И поздно жалеть и каяться...

Жесткие горячие пальцы вздернули ее подбородок кверху, не позволяя опустить глаза. Монтроз — Корсар проклятый — медленно и размеренно продолжил, роняя каждое слово, будто гвоздь забивал:

— Не надо? Я тебя сюда не звал, глупая девчонка. Ты сама захотела: то ли легких денег, то ли еще чего. А за все надо платить. Выбирай: твое будущее или одна ночь. Что, смелости не хватает? Боли боишься? Или мораль не позволяет? О морали и порядочности надо было

думать раньше, когда шла воровать. А теперь скажи спасибо, что я буду один. Делиться не люблю, так что больше тебя пальцем никто не тронет. И если будешь умницей, то утром уедешь домой, а не на тюремные нары.

Маред замотала головой, пытаясь вырваться. К глазам подступили слезы, но она представила, как презрительно скривится проклятый ублюдок и извращенец — и слезы высохли, не успев брызнуть. Боль? Да не боится она боли! Но как же это мерзко! Стыдно, грязно, отвратительно...

— Не хочу, — проговорила она чужими, застывшими, как на морозе, губами. — Пожалуйста, не заставляйте. Я не хочу.

— А тебе и не обязательно хотеть, — промурлыкали ей жарко в самое ухо, обдавая его горячим дыханием. Пальцы снова сжимали подбородок, теперь просто не давая отстраниться. — Главное, что хочу я. Очень хочу. Будешь моим подарком на день рождения, девочка.

Пальцы легко и равнодушно толкнули ее, исчезая, Маред сжалась в кресле, ненавидя себя, как никогда в жизни. За глупость, за жадность, за то, что сдалась. Сдалась ведь!

— Тебе нужно в ванную? — безразлично поинтересовался Корсар и, дождавшись, когда она помотает головой, протянул руку в отвратительной пародии на учтивость: — Тогда идем.

Подняться из кресла оказалось невозможно. Совершенно невозможно. В горле встал плотный горький ком — куда тяжелее, чем от кофе, — и Маред подумала, что ее сейчас вырвет. А ноги точно не удержат.

— Даже не думай, — ласково предупредил ее Монтроз. — Я не верю женским истерикам и считаю лучшим средством от них пару пощечин. Если действительно плохо — сходи в ванную. Позвать прислугу, чтобы проводила?

— Нет, — выдавила Маред.

Она встала сама, но каблук зацепился за совершенно гладкий ковер. Маред едва устояла на подгибающихся ногах, невольно схватившись за подставленную ладонь. Тут же выпустила ее, словно обожглась.

— Осторожней, — хмыкнул ее мучитель. — Не делай такое лицо, словно идешь на заклятие. Просто слушайся — и все будет хорошо.

«Не будет, — с абсолютной ясностью подумала Маред. — Уже никогда ничего не будет хорошо. Или хотя бы так, как было. Ненавижу. Все равно, что он со мной сделает — ненавижу. И убью... когда-нибудь. Не знаю, когда и как, но убью. А сейчас просто придется потерпеть. Это не со мной. Это все просто происходит не со мной, — повторяла она привычную с детства успокоительную мысль. — Я выдержу. Главное, чтобы там не было огня. Ведь не будет же, правда?»

Она зло скинула опустившуюся на плечо ладонь Монтроза, шарахнулась к стене.

— Не трогайте меня! Сама пойду!

Глава 3

Форс-мажор на фоне канделябра

В спальне Монтроза было тихо и темно. Теплый свет сочился сквозь кремовый стеклянный колпак изящного бра и ложился только на кровать, оставляя комнату в шоколадной полутьме. «Как на сцене», — подумала Маред, привычно отметив краешком сознания, что лампа астероновая. Зато у изголовья кровати на полочке для мелочей стоял подсвечник в дюжину свечей, и вот он-то Маред не понравился совсем. Тонкие красные столбики воска, такие невинные, обычные... Маред сглотнула и отвела от них взгляд, с тоской подумав, что вот бы этим подсвечником — да лэрда королевского стряпчего по голове. Маленький, тяжелый, так и просится в ладонь... Но на сегодня она уже достаточно натворила глупостей, не хватало только случайное убийство к ним добавить. В доме, где между ней и выходом толпа гостей, отлично запомнивших Маред в лицо. Еще и фониль остался в кабинете Монтроза, его не забрать, а по номеру кристалла ее найдут в тот же день.

Маред вдохнула — глубоко, как только могла, — и выдохнула, не решаясь сделать шаг от двери в полутьму комнаты.

— Так и будешь там стоять? — поинтересовался Монтроз.

Сам он, пройдя в спальню, первым делом подошел к шкафчику в углу и добавил бренди в стакан, из которого тянул весь вечер по глоточку. Затем опустился в глубокое низкое кресло на границе сумрака и полной тьмы, развалившись там с ленивой грацией тигра. Для довершения сходства светлые глаза совершенно по-звериному поблескивали из темноты. Стакан, поставленный на широкий подлокотник, ловил отблески света, золотясь, и таким же золотом поблескивала крупная монета, которую Корсар крутил в пальцах, так что кругляш то скрывался в ладони, то вновь выныривал на свет. Проклятый даблион, цена ее глупости...

— Если мне придется повторить приказ или вопрос, ты об этом пожалеешь, — предупредил Монтроз.

Голос его был мягок, он словно растекался, обволакивая, ласкал слух, но Маред помнила, как легко в этой мягкости прорезается сталь.

На негнущихся ногах она сделала шаг вперед, еще один. Встала перед креслом в свете бра, падающем из-за спины и немного сбоку. Голова была ясной и пустой до омерзения, словно и вправду все происходило не с ней, а где-то далеко и с кем-то другим. Так же ясно, холодно и зло она подумала, что ни за что не будет просить пощады и объяснять, что не хотела воровать. Толку-то? Никто ее здесь не пожалеет, уж точно не этот высокомерный ублюдок, привыкший получать все, что захочет. Вот не будет просить! И сама, без приказа, ничего делать не станет. Мало ему продажных женщин, захотелось порядочную? Вот и получит... порядочное бревно.

Губы Монтроза тронула улыбка. Взяв стакан, он медленно глотнул, не сводя глаз с Маред.

— Раздевайся.

Стакан тихонько стукнул о полированное дерево подлокотника. Блеснул раскаленным угольком дублон.

Маред сжала губы, с трудом подняла взгляд, заставляя себя смотреть мимо черноволосой макушки. Наклонившись, сняла ботинки вместе с чулками, взялась за платье.

Пуговицы лифа расстегивались легко, форма студенток изначально кроилась и шилась так, чтобы снимать ее без горничной. Неловко подхватив непослушными пальцами подол, Маред второй раз за вечер потянула его наверх, путаясь в жесткой ткани. Скомкала широкую юбку, зло рванула и выскользнула из расстегнутого платья, оставшись в одной рубашке, корсете и коротких, всего по колено, панталонах. Только не смотреть ему в глаза! Только не смотреть... Бригитта милосердная, слава тебе, что это чудовище хотя бы не получит ее девственной. Иначе, стань он ее первым мужчиной, проще и легче было бы умереть.

Замерев с тяжелым платьем в руках, Маред оглянулась вокруг, ища, куда его положить. На ковер бросить, что ли? И потом возвращаться домой в мятом? Боги, какие глупости лезут в голову... По спине побежал холодок, словно она уже осталась и без рубашки. Потом зазнобило всю.

Монтроз молча смотрел, как она расстегивает крючки корсета, и только когда Маред совсем застывшими пальцами вцепилась в ворот рубашки, разомкнул губы:

— Хватит пока.

А лучше бы сразу. Стоять перед чужим мужчиной в белье, которое покупала год назад для первой брачной ночи, было даже унижительнее, чем голый: ведь не объяснишь, что ушивала рубашку в талии и укорачивала панталоны, чтобы понравиться мужу. Маред перевела дыхание, стараясь делать это незаметно, опустила руки. Взгляд Корсара — привязалось же прозвище — блуждал по ее телу, ощущаясь почти как прикосновение: лицо, шея, грудь, живот, ноги... И назад, снизу вверх.

— Приятно видеть, что я не ошибся с выбором, — уронил он равнодушно. — Расставшись с этим кошмаром цвета больной мыши, вы гораздо лучше выглядите. Кто только придумал одевать молодых женщин и девушек в подобное извращение?

Это он про ее форму? Маред сама удивилась глупой детской обиде, плеснувшей изнутри, но только плотнее сжала губы.

— Лучше бы вы носили траур, — продолжил Корсар все с той же отвратительной размеренной неторопливостью. — Черное идет всем. Ну, почти всем. Вам точно пошло бы. Странно, что такая красивая вдова не нашла новой партии. Давно потеряли супруга?

— Не ваше дело, — прошипела, не выдержав, Маред.

...Короткие каштановые волосы сминаются под ее ласковыми пальцами. Эмильен лезет с поцелуями, и пуговица на его жилете цепляется за вышивку на ее лифе. Эмильен смеется, выпутывая серебряную бусину пуговицы из ниток, и его волосы щекочут шею Маред короткими прядями... Они вспыхнули, как бумага, окружая удивленное испуганное лицо жутким ореолом, и крик длился, длился... Тихо, Маред, не надо! Не думай, просто не думай... Этого не было, не было, не было...

Что-то Монтроз у нее на лице все-таки разглядел и даже понял, наверное. Хмыкнул, чуть меняя позу, потягиваясь:

— Пожалуй, не мое. Прошу прощения. А теперь приступим к делу. Иди сюда.

Он протянул руку ладонью вверх, поманил. Маред послушно сделала последние шаги к креслу, так же старательно глядя мимо выступающего из тьмы лица, слышала небрежное:

— На колени.

Она опустилась на колени, чувствуя ими толстый пушистый ворс ковра. Теперь избегать взгляда стало куда труднее. Так что Маред просто закрыла глаза, когда уже знакомое тепло чужой руки легло ей на подбородок, приподнимая его, и жесткие пальцы погладили по щеке.

— Глаза не закрывай, — велел ненавистный тихий голос. — Посмотри на меня.

Да чтоб ты провалился! Маред с усилием разлепила мокрые почему-то ресницы, глянула в мерцающие, словно расплавленным серебром наполненные радужки глаз. Близко, как близко... Ладонь Корсара легла ей на спину, обжигая сквозь тонкую ткань рубашки, нажала между лопаток, заставляя согнуться, почти уткнувшись лицом в темные брюки. Маред попыталась было удержаться, но ладонь поднялась выше, пригнула голову, не позволяя отдернуться.

— Ты можешь называть меня мастером, — спокойно и почти ласково сказал Монтроз. — Это достаточно вежливо и не так интимно, как все остальное. Поняла? Тогда повтори.

Маред с удовольствием сообщила бы лэрду пару более подходящих ему названий, вспомнив словечки, которыми обменивались дома пьяные конюхи. Но решила не дерзить. Пусть наслаждается — от этого ее точно не убудет.

— Да... мастер.

— Хорошо.

Ладонь тяжело и властно давила на затылок, второй рукой Монтроз обнял Маред за плечи, прижимая, потом кончики пальцев прошли по ложбинке позвоночника: нежно, невесомо лаская через ткань, так что мурашки побежали от основания шеи к самой пояснице. Круги, спирали, дорожки... Маред прикусила губу, чтобы не дернуться от странного ощущения, и все-таки не сдержалась:

— А побыстрее нельзя?

В ней словно проснулся злой маленький тролль, как называла это в детстве нянюшка, когда Маред вдруг начинала дерзить и перечить. Подлый тролль выбирал именно такие моменты, когда лучше было бы как раз помолчать. Вот и теперь стыд пополам со страхом рвался из Маред неуместными и даже опасными колкостями. Едва давление ослабло, она отстранилась, подняла голову, с вызовом глядя в прищур серых глаз.

— Или у вас ничего иначе не получится?

— Не терпится? — усмехнулись узкие губы. — Ничего, успеешь.

Никак его образ не складывался из отдельных черт, рассыпался, ускользая. Глаза — вот они. Холодные, скучающие, серый лед... Только на дне тлеет опасная безуминка, и лучше не всматриваться, иначе рискуешь всерьез испугаться. Губы — резко очерченные, без малейшего намека на нежность или капризность. Излом бровей, высокие скулы, прямой нос с едва уловимой горбинкой. Вот он весь, королевский стряпчий Монтроз, лэрд Корсар, а взгляни — и целого не видно. «Но я тебя запомню, — пообещала про себя Маред. — Хорошо запомню, и когда-нибудь придет мое время. Ну, чего тянешь, сволочь?»

Словно откликаясь на ее мысли, Корсар снова улыбнулся. Оттолкнул легонько и поднялся, оставив Маред на коленях. Вытянул из своих брюк ремень, сложил его вдвое и похлопал по ладони.

— Розги подошли бы лучше, — сообщил доверительно. — Но кто же знал, что понадобятся? Впрочем, за ними можно послать. Хочешь?

Маред закусила губу, чтоб не ляпнуть еще чего-нибудь. Страх и злость кружили голову, стучали молоточками в висках. Пугаешь, да? Иди ты к баргесту, скотина! Я не ребенок, чтобы бояться ремня или розог. Темная глубокая ярость поднималась откуда-то изнутри, грозя перелиться через край, мешаясь с таким же темным ужасом.

Корсар с оттяжкой ударил себя по ладони — силу отмеряет?

Теперь пересохло и во рту. Маред молча встала, повинувшись жесту, подошла к кровати. Чужие ладони бесцеремонно легли на плечи, разворачивая и подталкивая.

— На колени, — подсказал ненавистный голос, который она теперь узнает из тысячи. — Животом на кровать. Тебя в детстве не пороли?

— Нет, — огрызнулась Маред и снова не удержалась: — У меня в семье мужчины были нормальными.

Против ожидания, Корсар не разозлился, из-за спины послышался его тихий смешок.

— Молодец, девочка. Не люблю, когда сразу становятся послушными.

Не дожидаясь повторного приказа, она легла на постель животом, упираясь коленями в ковер, сцепила пальцы перед собой.

— Панталоны, — все так же равнодушно прозвучало сзади. — Сама снимешь или помочь?

Сволочь. Гад. Мерзавец... Сжав зубы так, что они даже заныли, Маред стянула панталоны, спустив их пониже и уткнувшись горящим лицом в мягкое покрывало.

— Итак, правила такие. Я бью — ты считаешь. Вслух. Громко. И после каждого удара говоришь: «Я никогда больше не буду воровать». Это все-таки наказание, а не игра, если помнишь. Играть будем потом...

И снова на последней фразе он понизил голос, так ласково, обещающе, что Маред передернуло от омерзения.

— Ничего не хочешь спросить?

— До сколько... считать? — выдавила она, чудом не всхлипнув.

— Хороший вопрос. Молодец. Скажем... до семи. По разу за каждый год в Шестромской тюрьме, которой ты избежала. Выгодная сделка, верно? И не вздумай ругаться, кричать и дергаться. Иначе — добавлю.

Воспитатель, чтоб его кельпи сожрали! Первый удар обжег так внезапно, что дыхание перехватило. Не от боли даже — боль пришла потом, — а от стыда. Потому что проклятый Монтроз вслух заставлял признать то, что хотелось скрыть даже от самой себя, забыть, как случайно сделанную неловкую глупость, притвориться, что ничего не было. А теперь скрыть и забыть не получится. Она воровка. И платит именно за это.

— Считай, — ровно напомнили сзади.

— Раз, — проговорила Маред и, переведя дух, добавила: — Я никогда не буду воровать.

Ремень обжег снова. И еще. И еще. Шипя от боли сквозь зубы, Маред все-таки считала, выкрикивала проклятое признание в воровстве, ненавидя себя за это, а потом снова считала. Потом поняла, что сбилась. Семь ударов оказались совершенно бесконечными. Сволочь, тварь... Это она сказала вслух? Вроде нет.

Корсар хмыкнул, останавливаясь.

— Ты сбилась, девочка. Это не по правилам. Начнем заново?

Что, опять?! Зад горел огнем, Маред чувствовала, как по щекам текут слезы. Она, конечно, не кричала — еще чего, — но рука у Монтроза была тяжелая, и бил он всерьез, не для вида. Только не снова! Корсар молчал, выжидая. И Маред, не отрываясь от душного бархата покрывала, помотала головой. Облизнула сухие губы.

— Не надо. Пожалуйста.

— Мы остановились на шести. Это будет седьмой, — бесстрастно прозвучало сзади.

Удар! Маред еле успела стиснуть зубы и плотнее прижаться к кровати.

— Семь!

— Я не разрешал тебе кричать, — сухо сказал Монтроз. — И ты дважды не повторила про воровство. Это тоже не по правилам.

Маред замерла, прижавшись к кровати. Да он же издевается! А она, дура, еще просила...

— Три раза сверху. И хватит с тебя, пожалуй.

Три раза? Это можно вытерпеть. Надо же, оказывается, как быстро она учится терпеть. И как это противно. Но лучше порка, чем... Чем то, что будет потом.

Но вместо удара Монтроз наклонился к ней, просунул руку под смятую задранную рубашку и погладил бедро Маред изнутри. Медленно и очень умело, безошибочно найдя самое чувствительное место, от которого сразу побежали мурашки по всему телу. Это было не больно, только стыдно до одури, так что она напряглась, с трудом терпя касание наглых пальцев, и изо всех сил стиснула бедра, не пуская руку Монтроза дальше, пока тот, хмыкнув, не убрал ладонь.

Последние три удара прошли гораздо легче. То ли Монтроз удовлетворился ее покорностью и бил слабее, то ли она уже не чувствовала боли, заглушенной стыдом и унижением. Напоследок, бросив ремень, — Маред с облегчением услышала, как звякнула пряжка, — Корсар еще и погладил ее по спине. Лениво, небрежно, как нашкодившую кошку или собачонку. Наказал — приласкал...

Потом, судя по мягким шагам, он отошел куда-то в глубь спальни, но почти сразу вернулся. Маред, понимая, что повернуться все равно придется, не стала дожидаться приказа. Оторвалась от покрывала, еле расцепив закаменевшие пальцы, натянула панталоны, одернула задранную рубашку и села на кровать, обняв себя за плечи. Обернувшись, скользнув взглядом по ее рубашке и поморщившись, Монтроз ничего не сказал. Вместо этого он щелкнул массивной кремневой зажигалкой, поджег свечи в маленьком канделябре у кровати и выключил бра.

Ужас накатил ожидаемо, но от этого не менее сильно. Маред еле отвела взгляд от дрожащих золотых язычков, а Монтроз еще и не торопился гасить зажигалку, любуясь — сволочь! — огнем, делая его то маленьким, почти не страшным, то высоким и широким, так что в висках у Маред болезненно заломило, а в животе зашевелился холодный скользкий спрут.

— Ты любишь свечи?

— Нет, — сказала Маред чистую правду.

— Жаль. А я вот люблю огонь. Он прекрасен. Кстати, в таком освещении ты смотришься еще лучше, только сними эти дурацкие тряпки. Вместо них наденешь вот это.

Он поднял то, что держал в другой руке. Широкие наручники с длинной цепью. Массивные браслеты обшиты кожей, начищенная цепь поблескивает... Маред сглотнула.

— Вы это серьезно?

— А ты сама как думаешь? — поднял брови Корсар. — Раздевайся, ложись на кровать и руки вытяни вверх.

Окончательно провалившись в тягучий бесконечный кошмар, Маред стянула через голову рубашку и сняла панталоны, оставшись голой. Было уже не стыдно и не страшно — почти. Главное, у изголовья горели свечи. И приблизиться к ним показалось совершенно невозможно, даже невозможнее, чем выполнить приказ лечь. Но теперь, уже столько вытерпев, отступать было поздно, да и некуда. Вот только свечи...

Маред подумала, не попросить ли мучителя вернуть свет от бра, но это значило признаться в слабости. И еще неизвестно, не решит ли Монтроз использовать ее страх? Нет

уж. Решившись молчать до последнего, она легла. Не к самому изголовью и подальше от той стороны, где стоял канделябр. Ну, свечи... Подумаешь... Они же стоят. Далеко. Просто сами по себе. А что с той стороны тянет теплом и запахом горячего воска с какими-то душистыми добавками, так это тоже можно вытерпеть, если не смотреть. Это куда проще вытерпеть, чем зажигалку в руках Монтроза. Которую тот, налюбовавшись, положил на кресло рядом со стаканом. Маред облегченно вздохнула, стараясь, чтоб это было незаметно. И вообще, ей сейчас будет не до свечей.

Монтроз сел рядом. Одним щелчком замкнул на правом запястье Маред наручник и, протянув цепь через резную спинку кровати, приковал левую руку. Подергал наручники, проверяя.

— Не жмет?

— О, что вы, все замечательно, — съязвила Маред.

— Вот и хорошо, — улыбнулась невозмутимая сволочь.

Маред закрыла глаза, но по щеке тут же легонько похлопала ладонь.

— Открой глаза, девочка. Я хочу, чтобы ты меня видела.

Подняв тяжелые веки, Маред с трудом вдохнула, уставившись мимо Корсара в темноту спальни. Спокойствие предательски исчезло, изнутри снова накатывали паника и липкий горячий стыд. Привязаны только руки, но она все равно беспомощна, и как же это страшно, оказывается.

— Ноги раздвинь. Вот так. И в коленях согни. Хорошая девочка. И очень красивая.

Лицо уже горело не хуже онемевшего и пылающего зада. Щеки, уши, шея... Эмильен звал ее красоткой, но он любил и видел в ней что-то особенное. Нет, Маред и до него не считала себя уродиной, но мужского внимания всегда избегала. Мужчины опасны, а она незащищена. Рядом с Эмильеном она не боялась ничего, но теперь... Теперь Маред была только рада стать как можно незаметнее, и в Университете это отлично получалось. Кто обращает внимание на Чернильную Мышь? Только тот, кому срочно нужна контрольная работа.

А Монтрозу она нравилась. Он держал лицо непроницаемым, смотрел равнодушно, как на пустое место, но глаза — Маред видела — блестели от желания. Корсар ее хотел — и это страшило. А еще его наклонности... Настоящий мужчина, порядочный и достойный любви, должен быть ласковым и нежным. Все-таки женщины — хрупкие существа, об этом твердили все вокруг. Монтроз же пугал, почти как пламя. В детстве отец однажды повез Маред на море: врач посоветовал. Она была мала и запомнила только, как первая же волна подхватила ее и потащила за собой в море, крутя, словно щепочку. Вот такой волной был Корсар Монтроз...

— Ну что, девочка. Скажи что-нибудь, — велел Монтроз, усаживаясь рядом.

Усмехнувшись, он заглянул ей в глаза, небрежно и легко поцеловал. Одна рука ласково и совсем не страшно взъерошила растрепавшиеся волосы Маред, а вторая легла ей между раздвинутых ног, не позволяя сжать их.

Маред молчала. Ее обволакивал чужой запах: теперь куда меньше тянуло одеколоном и сильнее — самим Монтрозом: сильным, здоровым мужским телом. Запах свежести от его волос, теплое дыхание на шее и лице Маред, умелые и совсем не грубые пока прикосновения. Стыд мешал осознать происходящее, и это было даже хорошо, потому что Маред не хотела его осознавать, но Корсар прикасался к ней совсем не так, как Эмильен. Тот даже в страсти был нежен и почти робок, у него никогда не было таких отвратительно

властных манер. Эмильен... вот бы получилось представить, что она с ним. Может, тогда это не будет изменой?

Маред закрыла глаза — теперь уже на законных основаниях, потому что ее снова поцеловали, властно, горячо и очень умело. Невольно подчиняясь наглým губам, Маред приоткрыла рот и тут же протестующе мотнула головой — внутрь скользнул кончик языка Монтроза. Гадость какая! Она отстранилась. Попыталась, точнее. Руки не пустила цепь, а голову — ладонь Корсара. Вторая... Вторая хозяйничала у нее между ног, и Маред сначала хныкнула, а потом тихонько заскулила от ощущений, которые сама не смогла понять. Больно? О нет! Точно не больно! Горячо, очень горячо. И что-то тянет внутри живота, поднимаясь все выше, разливаясь по телу кипятком стыда. Пальцы Корсара гладили ее медленно и совершенно бесстыже, находя такие местечки, о которых она сама никогда и не думала. Вот они обвели самое сокровенное, потайное, которого Эмильен никогда не касался, щадя ее порядочность...

Всхлипнув, Маред неожиданно для себя расслабилась и даже чуть-чуть развела ноги... Тут же, откликаясь на это движение, ласкающий ее палец нащупал что-то... какое-то место, скользкое и плотное, как нераспустившийся бутон... Маред захлебнулась глотком воздуха — ее насквозь пронзила маленькая горячая молния. Протестующе охнув, она снова дернулась — но кто бы позволил? Снова поцелуй, беззастенчивый, хозяйский — и вот уже чужой язык во рту ласкает ее губы изнутри...

Оторвавшись от губ Маред, Корсар улыбнулся торжествующе, дал ей отдышаться, не прекращая гладить и мягко тереть внизу, прошептал:

— Нравится, девочка моя? Я же вижу, что нравится. Давай, попроси. Попроси сделать тебе хорошо.

Еще мгновение назад потерявшуюся в ощущениях Маред словно окатило холодной водой. Попросить? Думаешь, я разомлею от твоих поцелуев? И сама, по своей воле... Сволочь, чтоб тебя! Да лучше бы ты не ласкался, а просто, молча... Нет, тебе поиграть надо!

Набрав полную грудь воздуха, она приподнялась, насколько позволяла цепь, и выдохнула в лицо Монтрозу:

— Пожалуйста. Прошу вас... Идите вы сами к кому-нибудь на... мужское достоинство! Ма-а-астер...

Изумление, промелькнувшее на лице Монтроза, дорогого стоило. Может, даже всего того, что с ней сейчас сделают. Но Маред уже было все равно. За такое не жалко и опять ремня получить. Или просто ударит?

Но Монтроз даже не попытался поднять на нее руку. Просто отпустил, прекратив ласкать. Сел рядом, улыбнулся. Весело и ласково, словно получил комплимент. И вот тут Маред впервые стало по-настоящему страшно. А королевский стряпчий, наклонившись к ее лицу, сказал четко и ясно, сверкая серебром совершенно сумасшедших глаз:

— Не хочешь по-хорошему, да? Что ж, тогда будет по-моему. Кажется, ты забыла, кто здесь подарок на день рождения.

Вот дура языкаястая... Замерев, Маред смотрела в глаза мужчины, понимая, что сама напросилась на неприятности. Может, извиниться? Поздно. И глупо. Она глубоко вдохнула, пытаясь расслабиться. Не помогло: живот скрутило судорогой страха. Монтроз еще пару мгновений молча смотрел на нее, потом легко и гибко встал с кровати. Не шевелясь от ужаса, Маред смотрела, как он возвращается с жуткого вида плетью из черной кожи, разломаченной на несколько хвостов... А это что? Кляп?!

— Я вот думаю, — совершенно обыденным тоном сказал Монтроз, снова присаживаясь рядом, — затыкать тебе рот или нет? С одной стороны — стоит. В гостиной не слышно звуков из спальни, но криков я сам не люблю. С другой — вдруг тебе захочется сообщить, как ты сожалеешь о своей наглости и глупости? Попросить прощения, предложить искупить вину... Обидно было бы лишиться тебя такой возможности. Что скажешь, девочка?

— Вы... — беспомощно выдохнула Маред.

— Что я? Говори, раз уж начала.

— Вы заигрались, ваша светлость. Я... виновата, знаю. Но вы-то что сейчас делаете?

Это же... изнасилование...

Монтроз усмехнулся, небрежно протягивая блестящие черные полоски между пальцами.

— А ты пойдешь в полицию, девочка? И расскажешь все в подробностях? Как сама согласилась расплатиться за воровство, сама разделась, легла... Думаешь, тебя пожалеют? Сядешь за воровство да еще с клеймом шлюхи в придачу.

— Сволочь, — тихо, но очень отчетливо сказала Маред.

— Еще какая. Но для тебя это ничего не меняет.

Он ласково провел ладонью по животу Маред, вызвав у нее спазм отвращения, погладил бедро.

— Ну чего было дергаться? Получила бы удовольствие. А теперь будет больно...

В дверь постучали. Тихонько, неуверенно... Досадливо дернувшись, Корсар встал, подошел к двери и, приоткрыв, выглянул в коридор. Маред, растянутая на кровати, слышала только неразборчивый бубнеж.

— Сами разобраться не можете? — холодно поинтересовался ее мучитель. — Скажи Незабудке, чтобы отправлялась домой. С ней я завтра поговорю. И до утра меня не беспокоить.

Захлопнув дверь, он вернулся, присел на кровать рядом с Маред, мягко улыбнувшись.

— Прости, что отвлекся. Продолжим?

Маред промолчала. Можно было бы снова съязвить, но что толку? Лэрда это только забавляет. Лучше уж молчать. И безопаснее, наверное. Возбуждение злости ушло, сменившись тупой тоской и отчаянием. Будет бить? Наверное... Ну и пусть. Изнасилует? Да, похоже... Что толку сопротивляться, если этим делаешь сволочи только приятнее?

— Э-э-э, девочка, да ты совсем кураж потеряла, — обеспокоенно протянул Корсар, вглядываясь в ее лицо. — Хотя я сам виноват, затянул. Что, так страшно? Я с тобой разговариваю.

Маред только плотнее сжала губы.

— Нахальства хватило ненадолго?

Он погладил ее по щеке.

— Интересно, ты хорошая студентка? Или еще одна охотница на приличных женихов, только не на балах, а в Университете? Ну-ка, понятие форс-мажора, быстро!

Охотница? На женихов?!

— События, чрезвычайные, непреодолимые, не зависящие от воли и действий участников соглашения, — возмущенно выпалила Маред, облизала губы и продолжила, набрав воздуха, на одном дыхании: — Которые не могут быть предусмотрены, предотвращены или устранены.

— Умница, — удивленно сказал Корсар. — Дальше?

— В результате наступления таких обстоятельств одна из сторон договора поневоле

причиняет убытки другой. В Королевском кодексе гражданских дел форс-мажору соответствует понятие непреодолимой...

— Силы, — закончил Корсар. — И правда, умница. Так что же ты дергаешься, девочка? Это всего лишь форс-мажор.

Поймал, мерзавец! Маред дернулась, уворачиваясь, насколько позволила цепь, но было поздно. Мужское тело прижало ее к постели всем весом, колено Монтроза раздвинуло бедра, пальцы одной руки вплелись в волосы, удерживая, не давая убрать лицо. Наклонившись, Корсар поцеловал ее жестоко, яростно, до боли впиваясь в губы и явно наслаждаясь сопротивлением. Оторвался, глянул с удовлетворением на пытающуюся отдышаться Маред. Промурлыкал, как сытый зверь:

— Форс-мажор, девочка, это когда ничего не можешь сделать. Вот как ты сейчас. Так что расслабься и будь умницей — дешевле обойдется.

Он улыбнулся, чуть сдвигаясь вперед. Маред от души, но безуспешно попыталась влепить ему головой в нос. Дернулась, вырываясь, не жалея скованных рук — запястья обожгло болью.

— Лежи тихо, девочка. Боли ты не боишься? Это от неопытности. Жаль, нет времени поиграть с тобой по-настоящему. Научить бояться и наслаждаться этим... А ведь тебе понравилось. Там, внизу, ты стала такая мокрая и горячая, так дрожала... Целовалась со мной, ноги раздвигала... Хорошая девочка, послушная. Или просто истосковалась по мужчине?

— Сука!

Маред взвыла, пытаясь выдрать руки из наручников, выгнулась, на мгновение приподнимая телом Корсара. Шалея от ненависти, плюнула в ледяные серые глаза, но слюна из пересохшего рта только брызнула. Улыбнувшись, Корсар медленно, напоказ вытерся, продолжая удерживать ее за волосы.

— Надо же, какие слова знают порядочные женщины. Вот такой ты мне больше нравишься. Баргест с ней, с плеткой. Во второй раз уже неинтересно. Ноги раздвигай.

Не дождавшись, сам двинул коленом, втиснул второе. Гладкая темная ткань брюк прошла по ее обнаженной коже. Маред, обнаженную и распятую, еще мучительнее опалило стыдом, хотя только что казалось, что больше некуда. Не расстегивая пуговиц, Корсар через голову стянул рубашку, а вот с ширинкой вышла заминка. Маред дергалась изо всех сил, ожидая, что ее вот-вот ударят, а одной рукой у Монтроза с брюками ничего не получалось. Наконец, отпустив ее волосы, Корсар сел на колени, расстегнул брюки, но вдруг остановился и склонил голову набок.

— Пожалуй, чего-то не хватает. Чисто эстетически сцена несовершенна. Ты, конечно, очень хороша, но еще одна деталь не повредит.

Протянув руку в сторону, он вынул из канделябра тонкую красную свечу. Онемев, Маред смотрела, как приближается, мерцая, язычок пламени. Только не это... Не надо...

Наклонив свечу, Монтроз капнул воском на грудь Маред, расплавленная струйка потекла дальше, к соску, потом на живот, застывая кроваво-алой змейкой. Больно. Но не слишком — вполне терпимо...

— Не надо, — прошептала Маред, не слыша сама себя.

Кап... кап... кап... Огонек задрожал. Почти погас и снова выровнялся. Монтроз не смотрел на нее, замороженно любуясь язычком пламени. Пламени...

Ночная улица, ветер в опущенное стекло. Мобилер едет быстрее экипажа или это только

кажется? Эмильен счастлив, и Маред тоже — его счастьем, разделенным на двоих. Она честно пытается вникнуть в его рассказ, но слишком много научных слов, слишком быстро он говорит, захлебываясь словами. Что-то про изменения в двигателе, про патент, который принесет ему славу и обеспечит их семью. Маред кивает, опьяняясь его радостью и возбуждением. Но когда ее муж достает из-под сиденья бутылку крепкого сидра, она со смехом отказывается. Пить из бутылки на улице? Она порядочная замужняя женщина, в конце концов! И ты бы лучше следил за дорогой, милый. Ну и что, что ночь и никого нет?

Он почти не пьян, так, слегка — начал праздновать еще за ужином. И дорога пуста... Ей не нравится эта новая бутылка, но сегодня день его триумфа, мобилер идет плавно и быстро. Смех, пряди ее волос веют по ветру, лезут ему в лицо... Откуда вывернул этот мальчишка? Визг тормозов — не успеть, — мобилер заносит, крутит, крутит и выбрасывает — в выросшее из темноты дерево! Тьма... Маред с трудом открывает глаза. Она не пристегнута. Это против правил, но ремень вчера сломался. Рядом Эмильен — навалился на руль, бессильно свешивается рука в клетчатой рубашке. Лицо... Почему у него такое лицо? И пламя. Маленький огонек — откуда? Откуда в мобилере огонь? Ревущий зверь, жрущий обивку — откуда? Кто-то тянет дверцу, вытаскивает ее из машины. Маред кричит, отбивается. Она сама вылезет! Эмильен! Там же Эмильен! Короткие пряди вокруг его головы вспыхивают сразу — ореолом. Пламя рвется из мобилера, догоняя ее, пламени мало одной добычи, а Маред все еще пытается вырваться из рук того, кто тащит ее подальше. Раскаленный ветер бьет в спину — и ночь на мгновение исчезает.

— Не надо! Нет! Нет! Нет!

Она выла и билась, начисто забыв про наручники, орала, срываясь на хрип, ничего не видя и не слыша вокруг.

— Уберите огонь! Уберите! Уберите!

И очнулась, лишь когда поняла, что — все. Запаха горячего воска — нет. И огня — тоже нет. Свечи потушены. Комнату заливают астероновый свет бра, чистый, спокойный. А ее обнимают руки Монтроза. И на запястьях никаких наручников.

— Не надо огня, — прошептала Маред. — Пожалуйста. Я все сделаю. Правда, все. Что скажете. Только огня не надо...

Лицом она уткнулась в плечо Корсара, прямо в обнаженную кожу, пахнущую горько и тепло. Прижалась, едва сдерживаясь, чтобы не заскулить. Горячие жесткие ладони медленно гладили ей спину, плечи, бока.

— Пожалуйста, — беспомощно повторила Маред. — Я все сделаю.

— Все — это очень много. Никогда такого не обещай.

На плечи Маред легло бархатное покрывало. Не отрывая рук, лэрд закутал ее, прижал плотнее.

— Ты боишься огня, девочка? Предупреждать надо. Я бы не стал... Хотя — понимаю. Ну, тише... тише...

Эта неправильная, неожиданная доброта оказалась еще хуже жестокости. Боль можно терпеть, ласку от того, кого боишься и ненавидишь, — терпеть невыносимо.

Маред дернулась, вырываясь, но с таким же успехом можно было рвать цепь наручников. Вон они — валяются. Страх еще накатывал судорогами, но уже легче, стихая. И было стыдно до жути, до темноты в глазах. От собственной наготы, от ощущения чужих рук и губ, до сих пор чувствующихся на теле. Вообще — от человека рядом. Вот чего ему еще? Неужели все начнется снова?

— Так, девочка... Эй, не засыпай! Тебе сейчас нельзя спать, после обморока — вредно...

Отпустив Маред, он встал и вышел. В глазах действительно темнело, уже по-настоящему, дыхание сбивалось. Маред плотнее замоталась в покрывало, подтянув колени к груди, прижалась к спинке кровати. Плохо-то как в этот раз. Приступы ужаса накатывали и раньше, университетский целитель говорил, что надо лечиться, но в студенческой больнице мастеров душеведения не было... Она просто сменила газовую плиту на астероновую, это было проще, быстрее и дешевле. И держалась подальше от огня. Ничего, пройдет. Сейчас поспать бы...

Спать не дали. Проклятый Монтроз растолкал, приподнял, к самым губам поднес горячую чашку.

— Ну-ка, пей. Пей, говорю. Давай, девочка. Потом поспишь.

— Как... потом? Вы меня домой... обещали, — едва ворочая языком, проговорила Маред.

— Куда тебе сейчас домой? Четвертый час, самая охота для ночных. Мало тебе на сегодня приключений? Здесь ляжешь. Не бойся, никто тебя не тронет. Вот так... еще глоток...

В чашке был чай, душистый, приятно сладкий и не очень крепкий. Маред глотала с удовольствием, а вот на подсунутые трюфельные конфеты с ужасом замотала головой. Липкие же, в горле застрянут.

— Ладно, не надо, — согласился Монтроз. — Пей тогда. Сладкое успокаивает.

— Я... домой хочу. Вы обещали.

С тоской вспомнилось, что домой Корсар обещал отпустить ее только утром, позабавившись. Но, похоже, игривое настроение у ее мучителя пропало — и то хорошо. Неудачный из нее вышел подарочек. Негодный. Пусть потребует возврата денег или замены на качественный экземпляр.

Маред едва не хихикнула, представив, как можно было составить претензию в полном соответствии с Торговым кодексом. По всем правилам! А ведь это... странно...

— Вы мне что в чай налили?

— Ничего особенного, ликера чуть-чуть. Что, повело? Не бойся, так лучше будет. Обещал — отпущу. Но лучше бы тебе остаться. Надеюсь, глупостей не наделаешь?

Это он о чем? О полиции? Нет, не такая же она дура. А, понятно. Если Маред вдруг решит смыть позор ценой жизни, как пишут в романах, и оставит письмо с указанием причин... Вот тогда у лэрда Монтроза и впрямь могут быть неприятности. Принуждение к непристойным действиям, насилие... Ох, Бригитта милосердная, не ночь, а сплошная юридическая практика.

— Домой хочу, — упрямо повторила Маред. — А насчет глупостей — это не дождетесь.

В голову било теплое и горячее, тело расплывалось, как плохо застывшее желе. Язык, напротив, совсем сорвался с привязи. Подумав, Маред добавила:

— Я еще вам... цветочки принесу. На могилу. Вы какие... любите?

— О, это правильный подход, — усмехнулся Монтроз, вытаскивая у нее из пальцев пустую чашку. — Тогда я спокоен. Можешь розы принести, белые. Только очередь отстоять придется. Не спи, значит, а то здесь оставляю.

Он бесцеремонно повернул ее лицо к свету, всмотрелся в глаза.

— Голова кружится? Тошнит?

— Нет, — с трудом проглотила Маред лезущее на язык, что тошнит ее только от лэрда. — Совсем нет.

— Ну, раз совсем... Посиди еще чуть-чуть, у меня гости расходятся.

Теперь в полуоткрытую дверь шумели веселые голоса, раздавался явно хмельной смех. Монтроз куда-то делся, потом вернулся, ушел снова. Маред в оцепенении сидела на кровати, понимая, что надо встать, одеться — сил не было. Зато и страх со стыдом тоже пропали. Вот сейчас лэрд мог бы делать с ней что угодно, как с куклой. О, а вот и он.

— Как, полегчало? Давай все-таки останешься? До утра. Даю слово, что не трону.

Маред напряглась, просыпаясь.

— Нет!

Проклятый ублюдок присел перед ней на корточки, снова заглянул в глаза.

— Нет так нет, успокойся. Тогда надо одеться. Экипаж я тебе дам, но ехать в покрывале — это как-то слишком, правда? Мой-то кучер болтать не будет, а вот твои соседи наверняка неправильно поймут. Они, конечно, спят давно, а вдруг кто-то выглянет...

Он говорил и говорил, без всякого смысла, монотонно, не давая уснуть и успокаивая Маред голосом, как нервную лошадь. Работал у них как-то на конюшне грумом такой умелец: хоть злую собаку, хоть испуганного коня мог уговорить. Вот и Монтроз болтал что-то, а его руки тем временем натянули на Маред рубашку и платье, застегивали пуговицы, поправляли что-то...

Очнувшись, она сама одернула юбку. Панталоны и корсет так и лежали возле кресла, на них сил уже не было. И Монтроз, покосившись, промолчал. Сквозь пустые апартаменты, пропахшие ароматами вечеринки, они прошли, не говоря ни слова. Маред села в ландо к заспанному хмурому кучеру, едва шевеля губами, назвала адрес. Если тот и удивился, что ехать придется в Западный район, то промолчал. На Монтроза она не смотрела, говорить тоже было не о чем. Внутри медленно отпускала туго натянутая все это время струна.

Все зря. Она ехала по городу, глядя на мелькающие редкие огни витрин. Денег нет и не будет. За учебу и квартиру платить нечем, вся эта гадость случилась напрасно...

Еле переставляя ноги, она поднялась по лестнице, долго попадала ключом в замочную скважину. Войдя, сорвала платье без обычной аккуратности: вряд ли форма ей еще понадобится. Хотелось плакать, но сил не было и на это. Дура... Какая же ты дура, Маред Уинни, Мышь Чернильная...

Наконец она расплакалась, уткнувшись лицом в подушку, — и сама не заметила, как уснула.

Глава 4

Предложение, от которого трудно отказаться

Пробуждение было отвратительным. Никогда Маред не подозревала, что в теле столько мест, которые могут болеть. Начиная от запястий, на которых обнаружились уже подсохшие ссадины, и заканчивая почему-то бедрами, икрами и спиной, словно она провела целый день в седле. А самым ужасным, конечно, было то, про что стыдно даже подумать... Неловко повернувшись, Маред вскрикнула от боли и замерла.

Место пониже спины горело огнем, саднило и чесалось. О, как мучительно оно чесалось при полной невозможности даже притронуться! Всклипывая от боли и обиды, Маред все-таки упрямо поднялась и поползла в ванную. Первым делом — вымыться! Словно можно смыть боль и стыд вместе с памятью о мерзких чужих прикосновениях...

Мутное старое зеркало в ванной честно отразило растрепанные темные волосы, круги под красными глазами и опухшие щеки. Вот теперь она, пожалуй, была бы в полной безопасности от любых домогательств: особа из зеркала вызывала лишь одно желание — бежать от нее подальше.

— Ну и страшны вы, милочка, — сказала Маред отражению. — Хуже баньши...

Отражение молча согласилось, а Маред подумалось, что, будь она баньши, все ночи отныне посвящала бы исключительно пению под окнами лэрда Монтроза, чтоб ему быстрее получить новое место обитания и много-много белых роз. Под мраморным памятником с гербом. Хотя эта мразь, того и гляди, восстанет из гроба вампиром...

Осторожно переступив бортик ванны, Маред решительно включила ржавый кран под самым потолком. Труба немедленно загудела, затряслась и хрипло взвыла, как оборотень на луну. Тьфу, да что же сплошь нечисть лезет в голову? Скорчившись под ледяной струей, Маред зажмурилась. Намокшие пряди липли к лицу и плечам, и уже не важно было, что местной водой голову мыть не стоит — волосы потом жесткие и словно склеившиеся, сколько ни промывай. Обычно Маред раз в неделю разорялась на пару монеток за ведро хорошей воды — только для волос. Но сейчас ей было все равно, как будет выглядеть прическа.

Холодная, пахнувшая железом и тиной вода била в поднятое вверх лицо, стекала по плечам, груди, спине. Зад, словно ставший отдельной частью тела, пылал, и даже мыло не помогло, от него только защипало еще сильнее. Задыхаясь, Маред обняла себя за плечи, дрожа всем телом, кожа давно покрылась пупырышками, а датчик на стене тревожно мигал, сообщая, что недельная норма воды на исходе. Ну и плевать! Почему нельзя промыть мозг? Выскоблить память обо всем, что делала она — и что делали с ней.

Закоченев окончательно, она кое-как промыла волосы, вытерлась большим полотенцем и вышла, измученно вспоминая, осталось ли в шкатулке с лекарствами хоть что-то подходящее. От кашля там точно что-то было, а вот от подобного? Нет, вряд ли. Размотав полотенце, она осторожно провела пальцами по распухшей коже, нащупав заметные рубцы. Придется идти в аптеку. Иначе сидеть она точно не сможет, а деньги все еще нужны.

Мысль о деньгах отозвалась глухой тоской и смутной болью, как от застарелого ушиба. Маред привычно глянула в окно, определяя время по солнцу. Сейчас оно цеплялось за шпиль Обсерватории, далеко миновав иглы астероновых башен, собирающих магическую энергию в

восточной части города. Значит, время около полудня. Давно она не позволяла себе встать так поздно.

Маред содрогнулась, вспомнив лихорадочные сны, больше похожие на бред. В горячечных видениях она снова неслась по ночной улице в мобилере мужа, а впереди жутким золотым цветком распускалось пламя. Эмильен вдруг обернулся Корсаром, а Маред запуталась в одеяле и кричала, не в силах выбраться... Она с силой провела по лицу ладонями, стирая всплывшую из глубин сознания жуть, вяло подумала, что стоит купить и снотворного — раз уж собралась в аптеку. Или можно обойтись? Подумаешь, кошмары... Сами пройдут. И вдруг поняла, что уже с минуту в уши лезет пронзительный звон дверного звонка. За четыре года жизни Маред в этом доме звонок включался раз в месяц, возвещая приход хозяйки. Ой, плохо-то как!

Она заметалась по комнате, торопливо влезая в платье и одновременно пытаясь собрать растрепанные мокрые волосы в подобие узла. Сейчас тье Румстронг начнет требовать деньги — а денег-то и нет. Ладно, пару дней крикливая хозяйка подождет, а потом... потом придется съезжать. Наверное, придется.

На чулки времени уже не оставалось, да и все равно тье Румстронг не оценит ее стараний выглядеть прилично. Заколов мокрые волосы на затылке, Маред кинулась в прихожую — долго ждать хозяйка не любила, — поспешно открыла дверь, даже не глянув в глазок.

Однако вместо хозяйки на пороге маялся тощий парнишка в униформе и с надписью поперек груди: «Доставляем на крыльях».

— Тье Уинни? — воспрял духом паренек, увидев Маред, и вежливо подергал полосатую же кепчонку.

— Да...

— Так это, пакет вам. Извольте принять и это... расписаться.

Пакет? Ей? Маред приняла немаленький, но легкий пакет из оберточной бумаги, поставила подпись на листке, протянутом ей пареньком, и покрутила в руках пакет, пока мальчишка, протараторив благодарность, умчался вниз по лестнице, даже не дожидаясь чаевых. Оно и к лучшему — у нее теперь каждая монетка на счету.

Закрыв дверь, Маред вернулась в комнату. Еще раз оглядела пакет: имя и адрес ее.

Решительно сорвала упаковочную ленту и развернула бумагу. Корсет! Ее корсет и панталоны, оставшиеся у Монтроза на квартире. Приглушенно охнув, Маред выронила аккуратно сложенные вещи на пол, и из них вывалился ее же фониль. Во всех красках представилось, как Монтроз брезгливо собирает вещи, держа кончиками пальцев, складывает... Или он поручил это прислуге? Больше похоже на то: очень уж умело сложены были вещишки. Еще хуже. Что подумает прислуга о женщине, способной уехать от мужчины без корсета и панталон? Известно что!

Маред с отвращением глянула на валяющиеся вещи. Их она больше ни за что не наденет! Это ведь каждый раз придется вспоминать, как снимала под наглым ленивым взглядом лэрда королевского стряпчего?

А вот фониль... Фониль было жалко. Новый ей точно не купить, да и не связан он ни с чем таким, всего лишь пролежал у Корсара в столе.

Маред подняла верное старенькое устройство, на котором давно облупилась краска и металл корпуса пошел пятнами. Экран размером с половину ее ладони пару лет назад треснул, но звонить это не мешало, и в остальном фониль работал исправно. Вот и сейчас в

уголке экрана светились крошечные конверт и колокольчик.

Маред нажала кнопку рядом с колокольчиком, глянула на высветившееся имя. Изабель! Звонила ночью, часа через два после того, как Маред ушла.

Обратный вызов тихонько звякнул, и через несколько минут Маред услышала сонный голос:

— Да? Вы с ума сошли беспокоить меня в такую рань... О, Маред!

Томный голос несказанно оживился, и тьeda Кармайкл затараторила:

— Маред, милочка, ну куда же ты пропала? Я звонила-звонила! Ты же говорила, что тебе нужны деньги! Я нашла! Ну, разве я не прелесть, скажи?

— Прелесть, — едва шевеля губами, подтвердила Маред, с тоскливой ясностью думая, что триста крон Кармайкл все равно ее не спасут, но хотя бы позволят немного продержаться до... чего?

— Ну вот! — ликующе завопила Изабель. — Нам надо увидаться! Через два часа я еду в город за покупками. Встретимся в «Золотой чашке», дорогуша! Пока-пока... Ах да, совсем забыла! Один из папенькиных гостей тебя спрашивал. Кто такая, где живешь... Тьен Оршез, знаешь такого?

— Оршез? — насторожилась Маред. — Что он хотел?

— Понятия не имею, — фыркнула в трубку Изабель, одновременно объясняя кому-то, что платье нужно лиловое, а не зеленое, она уже вчера выезжала в зеленом... — Но я ему про тебя ничего не сказала. Во-первых, это неприлично — рассказывать мужчине про женщину, так маменька говорит. А во-вторых, он противный. И неженатый. Так что был бы он подходящим знакомством, я бы об этом знала, а маменька его даже к чаю не пригласила...

— Спасибо, — перебила Маред водопад слов. — Изабель, если он опять спросит, ради Бригитты, скажи, что ты меня не знаешь, очень прошу!

— О, ты не хочешь с ним встречаться? И правильно! Он гадкий, как таракан! Совсем тебе не пара... Все, поняла, я тебя не знаю. Будь здорова, милочка!

Маред села на кровать, поморщившись от незабываемых ощущений и тоскливо глядя на умолкнувший фониль. Оршез ее все равно найдет, это только вопрос времени. И что тогда? Она опять окажется между молотом и наковальней?

На кнопку рядом с конвертиком она уже нажимала больше для порядка. Опять, наверное, сообщение из магазина писчебумажных принадлежностей, что у них скидки. Но письмо оказалось из Университета. Подписано тьеном Кольвари, счетоводом, которому она дважды в год носила деньги за учебу. Тьен Кольвари писал, что...

Маред перечитала еще раз, думая, что ошиблась. Нет, все верно. «Благодарим вас, тьена Уинни, за своевременную оплату...»

Оплата? За семестр?! Маред негнушима пальцами набрала номер счетной канцелярии, пролепетала что-то и услышала привычно сухой голос Кольвари, что все верно, оплата за истекший семестр поступила, Королевский Университет счастлив приветствовать почтенную тье... Кажется, он решил, что Маред просто проверяет, дошли ли деньги. Как был сделан перевод? Разумеется, чеком. Хм, нет, имени отправителя не имеется, только инициалы. А и М. Да, разумеется, чек оформлен законнейшим образом, выплата уже подтверждена банком. Приятного дня, тье Уинни...

Маред выключила фониль, пребывая в полнейшей прострации. Оплата? И инициалы — А и М? Александр Монтроз?! Но... зачем? Чего он теперь от нее потребует взамен? И как же Оршез, который наверняка захочет отомстить за то, что она его выдала? Впрочем, встреча с

Оршезом пока выглядела далекой, а вот Монтроз... Он знает ее адрес и имя! И явно намерен продолжить какую-то игру, сделав очередной ход.

Маред снова включила фонилю, нашла перечень абонентов. На букву М в недлинном списке красовался Монтроз А. Самая подходящая для него буква! Мразь, мерзавец... Неужели откупился за вчерашнее? Хотя с чего бы ему откупаться, вряд ли такие умеют сожалеть о сделанном. Но как быстро! Всего за полдня выяснить все и успеть заплатить! И даже номер предусмотрительно оставил. Это что же, он копался в ее фонилю?!

Чувствуя, как злость смывает обычную робость, Маред нажала вызов. Фонилю прозвенел три раза, и ее решимость почти исчезла с той же стремительностью, что и появилась, но тут в трубке прозвучал низкий мягкий голос:

— Доброго дня, тьена.

— И вам... того же, — едва сдерживаясь, ответила Маред. — Что все это значит, ваша светлость?

В трубке хмыкнули.

— Неправильный вопрос. У вас еще одна попытка, потом я вернусь к работе, с вашего позволения.

Маред слегка прикусила губу, приходя в себя. Ох, как же хотелось сказать что-нибудь этакое... Но она сдержалась и нехотя выдавила:

— Где и когда мы можем поговорить?

— А вот теперь верно! Завтра, в два часа дня. Ресторация «Азимут». Скажите швейцару, что я вас ожидаю.

— До встречи, — буркнула Маред, нажимая кнопку.

Бросив фонилю рядом с собой на кровать, она сплела пальцы на колене, боясь лишний раз шевельнуться.

Вот так, значит? Что ж, подобные Монтрозу добычу не упускают, даже если дают ей ненадолго убежать. Как кот убирает когти, чтобы охота на перепуганную мышку стала интересней. Но делать нечего, надо идти. А сейчас — спешно сушить волосы, и в город. Изабель обещала деньги, которые стали еще нужнее. Туфли! И аптека! И... не будет же она завтра в ресторации обедать за счет лэрда Монтроза?

* * *

Девчонка появилась ровно в два, и это говорило в ее пользу: Алекс терпеть не мог необязательности. Заранее предупрежденный метрдотель провел ее к столику, ненавязчиво направляя, но ни в коем случае не торопя, позволяя рассмотреть интерьер. Посмотреть в «Азимуте» было на что. Лучи точечной подсветки выхватывали из полумрака модели кораблей на специальных стойках, старинный штурвал на стене, абордажные крючья и оружие, оставляя столики в уютной полутени. Она и смотрела, невольно задерживаясь через каждые несколько шагов.

А сам Алекс в это время рассматривал ее. Двигалась тьена Уинни неуверенно, и не только из-за последствий их встречи. Судя по тому, как придерживала пальцами юбку и прижимала локтем сумочку, она явно стеснялась своего наряда. Последнее, кстати, совершенно напрасно. Когда-то учитель хороших манер объяснил Алексу отличие респектабельного заведения от изысканного. В респектабельном месте не окажется плохо

одетого человека, там сумеют дать понять, что не рады его видеть. Но в месте действительно изысканном ни к одному гостю не проявят неуважения, как бы он ни выглядел. А ресторация «Азимут» была безупречно изысканным местом.

Однако девчонка об этом не знала. Сегодня она выглядела немногим лучше, чем ночью, разве что из-под подола вместо ботинок выглядывали туфельки. Но прекрасные черные волосы оказались скручены на затылке в скучный узел, да и платье было то же самое, на редкость убогое даже для студенческой формы, создатели которой думали исключительно о благопристойности. Что ж, эффект их стараний вышел обратным: унылая серо-зеленая тряпка вызвала немедленное желание ее содрать. И если белокожую блондинку вроде Незабудки такой цвет хоть как-то бы пощадил, делая всего лишь невзрачной, то золотисто-смуглая тьена Уинни выглядела в нем болезненно-серой. А вот в обычной белой рубашечке от нее глаз нельзя было отвести.

Девушка — ну не мог Алекс всерьез думать о ней как о взрослой женщине — подошла к столику. Встав навстречу, он поклонился, дождался, пока тьена Уинни осторожно опустится на стул, и тоже сел. Со стороны идеальная осанка гостьи казалась естественной, но на мгновение Алекс почувствовал укол вины. Теперь, когда знал гораздо больше... Ну ничего, сидеть пару дней будет затруднительно, однако гордость тьены пострадала куда больше, чем ее аппетитная попка. Управляться с ремнем Алекс умел и был уверен, что кожу не повредил ни одним ударом, а синяки пройдут. Но как же хороша!

Высокая, лишь немного ниже его самого, девчонка явно росла не в той семье, где несчастных будущих красавиц затягивают в корсет едва ли не с младенчества. В высшем свете ценятся женщины-«рюмочки», но Алекс всегда предпочитал естественную плавность форм. И понятно, почему Маред Уинни не пользуется особым успехом. Слишком высокая, слишком неловкая и застенчивая в движениях, слишком смуглая. Ни следа аристократической бледности и томности, последние лет сто не выходящих из моды благодаря вампирам. Никакой хрупкости, вызывающей желание защитить и уберечь прекрасное создание от тягот жизни... Зато, несмотря на скованность, Маред Уинни излучала такую жизненную силу...

— Рад видеть вас снова, — сказал Алекс, примеряя улыбку, как оружие перед началом дуэли примеряют к руке.

Из полумрака бесшумно соткался вышколенный официант, почтительно протягивая меню. Алекс взял тонкую папочку, просмотрел мельком, снова глянул на девушку. Та хмурилась, изучая свой экземпляр, вряд ли ее сейчас интересовали изыски местной кулинарии. Нервничает? Или просто нет денег? И, как назло, в меню для дам не указаны цены.

— Хвосты лангустов в тесте, салат из морских гребешков с козьим сыром и розовое эльфийское — полагаюсь на выбор вашего сомелье, — перечислил Алекс. — Тьена?

— Фрикасе из белых грибов и стакан апельсиновой воды.

О да, денег у нее точно нет. И сейчас не время настаивать на роли покровителя. Чуть пережмешь — рыбка сорвется с крючка, она и так напугана обстановкой и новой встречей, вон как нервно комкает салфетку.

— Попробуйте яблочный пудинг, — посоветовал Алекс. — Здесь его готовят по рецепту повара самой королевы.

— Фрикасе из грибов и апельсиновую воду, пожалуйста, — упрямо отозвалась девчонка. Положив меню на стол, она в упор взглянула на Алекса, стоило официанту отойти.

— Зачем вы заплатили мой долг Университету? И не говорите, что это не вы, я узнавала.

— Я и не собирался отрицать, — улыбнулся Алекс. — Мне так захотелось.

Девчонка зло сверкнула глазами. Красивыми глазами, необычными. При смуглой коже и вьющихся темных волосах глаза ожидаешь увидеть шоколадно-карие, как у енохианок или аравиек. Но нет, никакого, к счастью, приторного шоколада. Очень светлый и холодный голубой цвет. Не наивная бирюза, как у Незабудки, — пронзительно ясный арктический лед. Редкость какая...

— Прекратите меня рассматривать!

— Постараюсь, — усмехнулся Алекс, — хотя обещать не могу. Я ведь уже говорил, что вы красивы, а я люблю смотреть на красивое.

Рядом вырос официант с подносом — девчонка вздрогнула. А под глазами-то тени. Что, ночь бессонная?

— Я вас ни о чем не просила...

— Что ж, тогда вы мне ничего и не должны, — пожал плечами Алекс. — Давайте все-таки пообедаем, а поговорим за десертом. Я только что из суда и голоден, признаться. Приятного аппетита, тьена Уинни.

— Взаимно, ваша светлость.

Маред — Алекс с удовольствием примерил к ней необычное имя и остался доволен — ковыряла фрикасе, уставившись в тарелку, и жевала, явно не ощущая вкуса. Потом вовсе поворошила ароматную нежную массу и отложила вилку, потянувшись за водой.

— Вы зря так переживаете, тьена, — негромко сказал Алекс. — У меня к вам предложение, которое вы вольны принять или отказаться. Последнее — без всяких последствий, даю вам слово.

— Какое предложение?

Вместо ответа Алекс подцепил вилкой сочный кусочек лангуста, неторопливо прожевал и запил вином. Несомненно, шеф-повар «Азимута» сегодня был в особенно удачном расположении духа.

— Вы же понимаете, что я не смогу отдать вам эти деньги, — тихо проговорила Маред, глядя мимо Алекса и снова комкая в пальцах салфетку.

— Разве я сказал хоть слово о деньгах?

За пару столиков от них залиvistо рассмеялась женщина, хохотнул мужчина. И без того напряженная девушка вздрогнула, едва не уронив стакан. Что же ты такая нервная, девочка? И почему боишься огня? Служба безопасности юридического дома проделала отличную работу за эти полдня, хотя ее начальник, поднятый с постели в седьмом часу утра, очень сдержанно отозвался о манере лэрда давать задания. Ничего, справились. Выяснили достаточно, чтобы Алекс мог сделать свой ход. А вот про огонь там не было... И про то, почему у вдовы неплохо обеспеченного тьена одно-единственное приличное платье, да и то — форма. И манжеты этого платья изрядно поношены и хорошо знакомы с утюгом, которым отпаривают сукно, чтоб не лоснилось. Это Алекс хорошо помнил по своему опыту: когда у тебя всего один приличный костюм, над ним трясешься больше, чем над собственной шкурой. Шкура что, она зарастет. Впрочем, хватит воспоминаний.

Так же неторопливо доев, Алекс положил прибор, слегка откинулся на высокую спинку стула. Дождлся, пока официант уберет тарелки и вернется.

— Сегодня я выпью кофе. Сделайте по-восточному, с пряностями. Тьена Уинни?

— Кофе, — отозвалась девчонка, даже не глянув в меню, и уточнила, сумрачно глянув на

официанта: — Черный, без сахара. И покрепче, не дамский.

Еще пару минут они просидели в молчании. Маред расправила измятую салфетку и не слишком старательно складывала из нее какую-то фигурку, уткнувшись взглядом в стол. В такой позе было хорошо видно, что ресницы и брови у нее не накрашены и вообще на лице никаких следов косметики. Это было непривычно — в окружении Алекса женщины тщательно следили за собой, — но, пожалуй, мило и приятно. Ему никогда не нравился вкус помады, да и тушь не потечет в самый неподходящий момент.

Он еще раз окинул взглядом фигуру девушки, совершенно не старавшейся принять кокетливую или хотя бы привлекательную позу. Чуть обожженную ясеневую столешницу покрывала резьба, изображающая старинную карту. Вот ее-то Маред и разглядывала с таким упорством, словно в жизни не видела ничего интереснее пунктиров морских течений и розы ветров. И лишь дождавшись, пока на столе появятся дымящиеся чашки из белоснежного фарфора, подняла на Алекса умилительно мрачный взгляд.

— Итак, — мягко сказал Алекс, сделав маленький глоток и отставив слишком горячий кофе. — Позвольте для начала рассказать то, что я о вас знаю.

Поймал взгляд, в котором к мрачности начало примешиваться удивление, и продолжил, размеренно роняя слова:

— Тьена Маред Уинни, в девичестве Крепель, вдова тьена Эмильена Уинни, погибшего в прошлом году в результате катастрофы мобилера. Родилась в семье тьена Джулиуса Крепеля, нотариуса в городе Мюво. Городке, если точнее, я с трудом нашел вашу родину на карте. Полагаю, для такого города нотариус — важная фигура, но родных у вас нет. Магический дар отсутствует, наличие нелюдской крови на протяжении восьми поколений не установлено. Обычная человеческая семья, весьма респектабельная, тьен Крепель был награжден Королевской медалью за тридцать лет беспорочной государственной службы. Вы поздний ребенок, и ваше рождение стоило жизни матери. Отец больше не женился и умер, когда вам было пятнадцать, так что по «Указу о благонамеренных девицах» вы получили право на внеочередное зачисление в Университет, чем и воспользовались, успешно сдав экзамены на факультет правоведения. Думаю, немало удивили лэрда декана: обычно сироты из хороших семей идут на менее сложные факультеты, да и там учатся, лишь пока не выйдут замуж. Ну, все равно, указ нашей великой королевы очень мудр, если позволяет стольким девушкам устроить судьбу. Но вы, даже несмотря на замужество, учебу не бросили, а овдовев, и вовсе посвятили себя ей безраздельно. Проучились четыре года из положенных пяти, дающих право на звание бакалавра юриспруденции. Ваша экзаменационная книга великолепна: ни одного экзамена ниже двенадцати баллов из двенадцати. Сейчас вам двадцать, и лэрд декан отзывается о вас, как об идеале студентки, только жалеет, что вы не мужского пола и аспирантура для вас закрыта...

— И все это, — не выдержала девчонка, сначала покраснев, потом опять побледнев и принявшись терзать многострадальную салфетку, — вы узнали за одно утро?

— Ну, — позволил себе Алекс снисходительную усмешку, — добывать и использовать информацию — это мой хлеб. Но большая ее часть не представляла собой никакого секрета. Ею охотно поделился ваш декан.

— Он... Он не имел права!

— Формально — да. Но будьте снисходительны, милейший лэрд действовал из лучших побуждений. Видите ли, мой юридический дом иногда берет на стажировку способных студентов. Обычно выпускников, но иногда и после четвертого курса. Лэрд декан искренне

рекомендовал столь способную и старательную студентку. По его словам, тьена Уинни обеспечивает письменными работами всех недорослей своего факультета и еще пары-тройки смежных. Все все понимают, но, разумеется, закрывают глаза. Кстати, сколько дипломных работ вы написали за четыре года, тье Уинни?

Девчонка всерьез задумалась — прелесть какая. Потом нерешительно пожала плечами: — Ну-у... семьдесят-восемьдесят, наверное... Я не считала, но...

— Верю, — кивнул Алекс. — Примерно по двадцать в год. Вообще-то, обычным студентам положено тратить на них год целиком, но у преподавателей ни разу не возникло претензий к качеству, и это о многом говорит. И, полагаю, кроме дипломных вы пишете много чего по мелочи?

— Какое это имеет значение? — девчонка посмотрела с вызовом, и только пальцы, нервно то мнущие, то разглаживающие салфетку, выдавали ее с головой. — Сами говорите, что все все знают.

— Решающее. Будь вы симпатичной дурочкой, которая пошла на ограбление ради оплаты счетов за новое платье, наш разговор был бы совершенно другим. И мое предложение — тоже. Кстати, как вы умудрились влезть в долги? Сирот же обучают почти бесплатно.

— Я вышла замуж, — после некоторой заминки нехотя отозвалась Маред. — В начале третьего курса. И... потеряла льготы. А через месяц...

— Соболезную.

Так, значит, мужа она действительно любила. Или хотя бы думала, что любит: голос дрогнул и совсем не напоказ побелели пальчики на салфетке. Осторожнее, Алекс, осторожнее...

— А его родственники? Они вам не помогают?

— Они считали этот брак ошибкой.

Вызов в голосе, но какой же усталый.

— Человеческая глупость безгранична, — небрежно сообщил Алекс. — Полагаю, когда добьетесь успеха, они о вас вспомнят. Главное, в этот момент сами не окажитесь глупы. Ладно, все ясно. Но третий курс и часть четвертого вы все же оплатили, да и до этого как-то выкручивались. Даже льготное обучение требует средств. За дипломы так хорошо платят?

— Я продала дом.

Так... Значит, все мосты сгорели за спиной. Теперь — только вперед. Алекс окончательно убедился в успехе своего предложения, хоть и испытал неуместное чувство, подозрительно похожее на жалость. Ну, в конце концов, заставлять он никого не собирается. Игра есть игра.

Маред наконец оставила истерзанную салфетку, обратив внимание на кофе. Поднесла чашку к губам, осторожно глотнула и даже вздохнула глубже от удовольствия, на миг прикрыв глаза.

— Так что же вы хотите мне предложить, лэрд Монтроз?

— Стажировку, разумеется.

Алекс тоже отпил как раз остывшего до нужной температуры кофе.

— Вы умная девушка, Маред Уинни. Умная, талантливая и старательная. Хорошее сочетание и весьма редкое. Я предлагаю вам контракт. Не торопитесь только возмущаться, вскакивать и уходить. Уж один обед с вами я точно заслужил, о чем бы ни шла речь.

— Если вы думаете...

— Я не договорил, — ровно сказал Алекс. — Перебивать собеседника — это не просто

неучтиво, но еще и неразумно. Всегда дослушивайте до конца, тьена. И, возможно, какие-то вопросы задавать уже не понадобится, а ваш собеседник скажет больше, чем вы рассчитывали услышать. Итак, я предлагаю вам контракт. Прежде всего, о тех деньгах, что я заплатил вчера, речь больше не пойдет нигде и никогда. Считайте, что выиграли их в лотерею или получили в дар лично от Бригитты — мне все равно. Однако осенью вам придется заплатить за следующий семестр, потом еще за один, а получение собственного диплома обойдется в круглую сумму. Подарки преподавателям, сборы на экзамены и выпускной бал... Поверьте, все это дорого. Денег, насколько я понимаю, у вас нет. Возможности взять в долг — тоже, иначе вы не полезли бы в мои апартаменты за даблионом. Так как же вы собирались выкручиваться до того момента, как назло себе познакомились с дражайшим тьеном Оршезом? Той еще скотиной, между нами говоря. Кстати, он вас не беспокоил?

— Н-нет... Я собиралась работать.

Голос у девчонки снова дрогнул, и она поспешно отпила кофе.

— Хороший ответ, — тепло улыбнулся Алекс. — Я не издеваюсь, это действительно так. Но мы оба знаем, что из этого бы ничего не вышло. Столица нашего славного королевства — дорогой город. А бросить Университет, чтобы работать... С вашим умом, тьена Уинни, это преступление. Я предлагаю оплатить последний год вашей учебы: Университет, квартиру и все расходы. Вы получите достаточную сумму, чтобы в этом году не жертвовать временем и здоровьем, делая работы за богатых недорослей, а спокойно учиться и думать о собственной карьере. Возможно — я не обещаю, но для меня возможно многое, — удастся что-то придумать с аспирантурой... Погодите, я еще не все сказал.

Алекс понимающе улыбнулся, глядя в окаменевшее лицо Маред. Только в глазах — умных красивых глазах — полыхало ледяное пламя. Девчонка стиснула зубы, выпрямившись, едва сдерживаясь, и Алекс расчетливо потянул паузу. А когда Маред дрогнула, уже открыв рот, — продолжил:

— Как я уже говорил, мой юридический дом берет на практику способных студентов. Причем независимо от их происхождения, состояния и крови. Это не благотворительность, мне нужны талантливые сотрудники, способные оценить выпавший шанс и вцепиться в него зубами и когтями — фигурально выражаясь. Я один из двенадцати королевских стряпчих, и вы знаете, что это такое для репутации моего предприятия. Юридический дом «Корсар» входит в полдюжины лучших стряпчих контор королевства, хотя я начал меньше пятнадцати лет назад, а остальным пяти уже по паре веков, если не больше. И я предпочитаю сам воспитывать тех, кто будет со мной работать. Хотя некоторые уходят на вольные хлеба. С хорошей репутацией, налаженными связями и дружбой лэрда Монтроза, если смогли ее заслужить. Это нормально, не все хотят работать на другого человека, и лучше хороший друг, чем плохой работник. А моя дружба дорогого стоит... Что вы собирались делать после окончания Университета, тье Уинни?

— Работать...

— В нотариальной конторе, как отец? Здесь или дома? При всем уважении к вашему упорству, тьена, а я умею ценить упорство, вам не пробиться. Вам не простят, что вы небогаты, не имеете связей и, в конце концов, не мужчина. А носить начальнику кофе и переписывать бумаги — это не ваш уровень. Я вам не лъщу, и лучшее тому доказательство — мое предложение. После года работы в «Корсаре» и с моими рекомендациями вас примут в любую солидную контору — и не девочкой при кофейнике, а настоящим работником.

Алекс прервался, поднес к губам чашку, покатал на языке пряную душистую горечь. Кофе он не любил, предпочитая чай, а вот сегодня заказал. От девочки тогда, в постели, пахло так же: горькой пряной сладостью с кофейным оттенком. Так пахло, что у него голову снесло, и неизвестно, каким чудом он смог остановиться... Нет, когда девчонка закричала — ясно. А вот потом, когда она просила... Опустив ресницы, Алекс рассматривал темную жидкость на дне чашки. Я ведь тебя не отпущу, девочка. Даже если сейчас взбрыкнешь, как норовистая необъезженная кобылка, и уйдешь — все равно не отпущу. Разница только в условиях. Ну, давай, отказывайся.

— Что скажете? — поинтересовался он вслух, опуская чашку на стол.

На тьену Маред жалко было смотреть. И в другое время Алекс бы ей непременно посочувствовал: за выданное наизусть в такой ситуации определение форс-мажора и отпаренные манжеты уродливой формы. И все она понимала, умная девочка, замечательная студентка. Понимала — и все-таки отчаянно хотела верить, что чудеса бывают. Что ей предложат мечту — и ничего не потребуют взамен.

— Хорошо...

Голос Маред сорвался. Она отпила кофе, как воды, облизнула губы и повторила:

— Хорошо... я поняла. И что взамен?

— Одно лето, — уронил Алекс. Помолчав, пояснил нарочито будничным тоном: — Сейчас начало юниуса. Если вы примете мое предложение, то проживете это лето у меня дома. Со всеми вытекающими последствиями, разумеется.

Маред молчала. Он, оценив это молчание, продолжил:

— Я не говорю, что это будет весело и приятно. Надеюсь, тьена, у вас нет романтических представлений о негодях, непременно влюбляющихся в несчастных совращенных жертв. Впрочем, вы кажетесь разумной девушкой. Я не собираюсь в вас влюбляться или хотя бы жалеть. Но ничего невыносимого тоже не будет. У меня достаточно опыта, чтобы не причинить вреда в постельных играх, даже когда они далеко выходят за рамки общепринятого. И я не люблю собственно боль, мне больше нравится послушание. Так что от вас требуется только одно: слушаться и ублажать меня по первому требованию. Так, там и тогда, когда я захочу. Это будет обидно, противно и немного больно. Зато этим же летом я устрою вас к себе на работу, чтобы посмотреть, на что вы способны. Это будет та жизнь, о которой вы мечтали, когда писали десятки чужих дипломов. Прекрасное жалованье, уважительное отношение, перспективы продвижения по службе. Мне глубоко безразлично, юбку или штаны носят мои работники, я ценю ум и преданность. И если вы продержитесь рядом со мной лето, не сбежав, то станете обычным сотрудником, и я никогда не напомню вам о цене, которую вы заплатили.

Девчонка молчала. Тоскливо, безнадежно, водя пальцем по выжженным линиям на столешнице и смотря куда-то мимо Алекса невидящими глазами. Лицо ее на глазах осунулось, став совсем юным, под глазами еще сильнее проявились тени. Да, девочка, я негодяй. Я исключительная сволочь. Если согласишься — пожалеешь. Не согласишься — пожалеешь тем более. Вывести бы тебя сейчас из этого темного прохладного зала, посадить в мобилер и прямо там, вжав в сиденье, зацеловать. До соли на губах — от крови, до соли на щеках — от слез. Чтоб дернуться не могла и не смела. Чтобы задыхалась, плакала беспомощно, а потом сама подставляла губы и смотрела пьяными глазами, как я тебе задираю юбку, стягиваю чулочки, опускаю сиденье мобилера... Что ж ты со мной творишь, девочка? Ох, лучше откажись.

— Нет, — прошептала Маред.

Скомкала снова расправленную салфетку. Глянула Алексу в лицо, бледная, отчаянная и яростная.

— Нет, слышите? Ничего мне не надо...

— Слышу, — ровно отозвался Алекс. — Но это не имеет ни малейшего значения. Вы и не могли согласиться сразу. Если бы вы согласились, моя дорогая Маред, я бы отвез вас куда-нибудь в отель, развлекся, а потом выкинул, заплатив обычную таксу хорошей шлюхи.

Он улыбнулся на глазах еще сильнее бледнеющей Маред.

— Все правильно, девочка. Ты молодец. Пошлешь меня подальше в праведном негодовании, уедешь домой. На омнибус хотя бы деньги есть? Будешь все лето работать, заработаешь гроши. Может, каким-то чудом и продержишься год. Ты на отличном счету и все-таки сирота, да еще и мужа потеряла... Тебе вполне могут вернуть льготы или хотя бы снизить оплату. Закончишь обучение, найдешь работу. Может, даже останешься на кафедре местной диковинкой. И будешь писать работы уже не для студентов, а для преподавателей и аспирантов. И всю жизнь, поверь мне, девочка, будешь ненавидеть двух людей. Меня, за то, что поманил другой жизнью, и себя.

— Нет, — обреченно повторила Маред. — Я выберусь. Сама...

— Не исключено, — безразлично пожал плечами Алекс. — Советую найти пожилого состоятельного вдовца. Непросто, но выполнимо, если обратиться к хорошей свахе. Может, тебе повезет, и муж будет не против, чтобы ты работала. Это будет куда безопаснее и приличнее, чем иметь дело со мной. Ты даже сможешь врать себе, что не продалась, а стала респектабельной женщиной.

Он усмехнулся. Достал бумажник, бросил на столешницу пару крупных купюр.

— Прости, мне пора. Но все твои «нет» сейчас не важны. Конечно, ты не могла согласиться. Я буду ждать ровно неделю. Номер моего фониля у тебя есть. Подумай хорошенько, умная девочка Маред Уинни. Это была бы честная сделка. И выгодная. Я предлагаю тебе то, что больше никто и никогда не предложит. Целая жизнь — за несколько недель. И если надумаешь — позвони.

Встав и выйдя из-за стола, он не удержался. Проходя мимо окаменевшей на стуле девчонки, наклонился, тронул теплое плечо под слегка шершавой тканью, пробежал пальцами вдоль ключицы, шепнул, наклонившись, в ухо:

— А будешь думать, вспомни, какой ты была жаркой и мокрой там, внизу. И как было бы замечательно, если бы я все решил за тебя, а ты могла просто прикинуться невинной жертвой...

Убрав руку, он ушел, не оглядываясь. На улице, где солнце после полумрака «Азимута» сияло почти до боли в глазах, прищурился, постоял минутку, подставив лицо горячим ласковым лучам. Сел в мобилер, оставленный у обочины тротуара.

В зеркало заднего вида было хорошо видно, как девчонка вышла из ресторана и прошла по тротуару совсем близко неуверенной ломкой походкой. Замерла, осматриваясь, потом медленно побрела к ближайшей остановке омнибуса, вцепившись в нелепо провинциальную сумочку из дурно выделанной кожи.

«Откажись, девочка, — холодно, ясно и почему-то очень тоскливо подумал Алекс. — Откажись, сотри мой номер. Да, я действительно могу купить кого угодно. Почти кого угодно, дело только в цене. Докажи мне, что это не так, что не все женщины продаются. Если через неделю ты не позвонишь, клянусь, я извинюсь и подарю все, что предлагал. Будет

и учеба, и работа в „Корсаре“. Только откажись. Прошу тебя».

Он повернул ключ в замке зажигания, положил ладони на обтянутый ягнячьей кожей руль и мягко тронул новенький «Драккарус» с места.

Глава 5

Визиты приятные и не очень

Мобилер плавно поплыл вдоль тротуара. Алекс потер пальцами виски, подумав, что поспал явно маловато для такого насыщенного дня. Пожалуй, надо позвонить секретарше и попросить перенести то, что назначено, на конец рабочего дня. Все равно с новым клиентом что-то неладно, слишком он настаивал на немедленной встрече по совершенно пустяковому делу. А за сегодня и завтра служба безопасности проверит его и, возможно, найдет причину такого внезапного рвения. Заодно пусть продолжают копать прошлое Маред Уинни — пригодится. Что же у нее с огнем? Смерть мужа? Но там авария мобилера, а они ведь почти никогда не взрываются, если астероновый сердечник исправен...

Тренькнул фониль, тихо и ненавязчиво. Алекс достал его свободной рукой, глянул на высветившееся имя, нажал кнопку ответа.

— Да, Мэтью, я тоже рад тебя слышать. Прекрасно, благодарю... Если снова о том же самом, то не вижу смысла, прости... Нет, Мэтью, я не продам «Корсар». Ни тебе, ни кому-либо еще. И сумма не важна... Да, в принципе... Да, я понимаю... Нет, Мэтью, это окончательный ответ. Он еще в первый наш разговор был окончательным, как будто ты меня плохо знаешь... А вот этого не надо!

Пару минут он держал в пальцах замолчавшую трубку, потом на ощупь набрал номер и дождался звонкого:

— Мой лэрд? Чем могу служить?

— Доброго дня, моя Незабудочка. Бери экипаж и приезжай в поместье. И попроси выходной на завтра, пожалуй...

Дома, как и положено, все было в полнейшем порядке. Предупредив экономку, что ждет тьеду Бёрнс, Алекс поднялся в спальню, налил в бокал-сниффер на три пальца коньяку и опустил в кресло. Вдохнул густой аромат, медленно распространяющийся от согретого теплом ладоней бокала, и запретил себе думать о Маред Уинни: хватает более важных проблем.

Ах, Мэтью, Мэтью, что ж ты творишь, поганец. Вот и верь в дружбу. Вместе ведь начинали в лихие годы послевоенного Великого Взлета, вытворяя такое, от чего сейчас мороз по коже, если вспомнить. Вместе заводили знакомства, строили собственное предприятие — одно на двоих, как на двоих делили иной раз единственный бутерброд или несколько печеных картофелин от уличного разносчика. Вместе учились выбирать правильную вилку для рыбы, чтоб не краснеть на деловых обедах в Гильдии. Вместе провернули несколько отличных дел, после которых торговый дом «Виадук» Монтроза и Корригана резко пошел в гору. Сама ее величество изволила отметить заслуги перед империей в восстановлении изрядно потрепанной войной экономики...

Когда сын Мэтью лежал в лучшей клинике Лундена и маги-целители боролись за его жизнь, Алекс примчался из Лютеции, бросив серьезный контракт — уже свой личный контракт, не партнерский, — и успел на похороны. Передозировка фейской пыли, легкие двадцатилетнего парня сторели изнутри. Три дня они вместе с Мэтью пили в опустевшем особняке Корриганов, где раньше всегда толклись друзья Виктора, его однокурсники по Университету и какие-то вовсе не понятные личности, которых всегда полно вокруг богатых

наследников с дурью в голове. Алекс наравне с постаревшим сразу на двадцать лет Мэтью хлестал бренди, слушал и молчал, больше всего боясь открыть рот и рассказать другу все, что знал про его избалованного гаденыша-сына. Ничего хорошего из этого рассказа точно не вышло бы, да и Виктору уже было все равно, а его отцу — нет. Он хотел помнить о сыне только хорошее, и Алекс молчал.

Потом было еще несколько сделок. Бизнес Мэтью рос, репутация Алекса не отставала. К тому времени они давно и вполне по-дружески разошлись, но помогали друг другу словом и делом, пока не оказалось, что деловой форум Лундена не так уж и велик, а им обоим все теснее рядом. Мэтью осваивал новые сферы, прибирал к рукам умелых юристов. Алекс поначалу только посмеивался: его сотрудников переманить не удавалось никому. Умных сотрудников, конечно. А дураки — кому они нужны? Когда Мэтью намекнул на слияние, Алекс отшутился. И потом, когда начальник службы безопасности положил на его стол доклад — не поверил.

Он тогда позвонил Мэтью, спросил напрямую. И старый друг не стал скрывать, что хочет «Корсар». Предложил хорошую цену: не просто справедливую — щедрую. Сказал, что оставит во главе филиала: кто, кроме Алекса, так знает людей и дела? Корриган хотел то, на что Алекс потратил всю сознательную жизнь, во что вложил душу, как бы банально это ни звучало. «Прости, Мэтью, — сказал ему Алекс в решающем разговоре. — Я не буду ходить в одной упряжке ни с кем, даже с тобой. А уж тем более с чужими удилами во рту».

Мэтью, и без того крупный, кряжистый, как матерый медведь, а на четвертом десятке изрядно располневший, шумно вздохнул: «Ты же понимаешь, Алекс. Все уже решено. У меня партнеры, они не поймут, если я отступлю. А ты один». «Да, я один», — согласился Алекс, не добавляя, что раньше их всегда было двое. И правда, что за сантименты могут быть в делах?

Они сидели в «Азимуте», любимой ресторации Монтроза. Мэтью терпеть не мог рыбную кухню, но сам предложил встретиться здесь, неловко пытаясь задобрить бывшего партнера. Или это казалось, что неловко? Медведь — зверь хитрый и стремительный, каким бы неуклюжим ни выглядел. Алекс не обманывался насчет Корригана: бывший друг — самый опасный враг. «Ты подумай, Алекс, — тяжело отдуваясь, повторил Мэтью. — Хорошенько подумай, слышишь?» «Да я уже подумал, — спокойно и легко улыбнулся Алекс. — И вроде бы неплохо подумал. Не выйдет, Мэтью. „Корсар“ я тебе не отдам».

А сегодня вот еще звонок. Последняя попытка? Предупреждение? Все сразу, похоже. Мэтью пытается сберечь остатки совести, дать последний шанс. И даже цену не снизит, можно быть уверенным. Монтроз ему бы и в самом деле пригодился, такими работниками не разбрасываются... Но лишиться «Корсара?»

Алекс представил, как подписывает документы на продажу конторы, а потом они с Мэтью, как в старые добрые времена, за бокалом коньяка обсуждают, с чего начать совместное дело. Картинка упорно расплывалась в воображении, а вместо нее почему-то четко виднелось, как он приходит в контору Корригана, улыбается старому другу и достает из кармана револьвер...

Алекс хмыкнул, допив коньяк. Поставил пустой бокал на столик, откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову. В дверь тихонько постучали, потом приоткрыли...

— Позвольте, мой лэрд?

— Входи, моя прелесть.

Нужный омнибус Маред едва не пропустила. Задумалась, невидящим взглядом смотря куда-то вдоль улицы, и очнулась, только когда услышала звонок к отправлению. Запрыгнула на подножку под негодующее шипение кондуктора о шальных девицах, рассеянно и виновато улыбнулась, пробираясь на дальнюю площадку, где снова замерла, одной рукой вцепившись в сумочку, а другой — в кожаную петлю поручня.

Омнибус тронулся, покачиваясь из стороны в сторону, пассажиров было немного, и Маред стояла на площадке почти в одиночестве, жадно дыша горячим воздухом из приоткрытого окна — день оказался не по сезону жарким. Да еще форма из плотного сукна... Но на приличное платье, в котором было бы не стыдно сходить в ресторацию, после покупки туфель и нового корсета денег уже не осталось: Маред и так долго сидела вчера вечером, по одной раскладывая монетки на кучки, а потом рассчитывая, где можно оставить поменьше, а на чем сэкономить совсем нельзя.

Проклятый Монтроз был прав: для нее и омнибус — немалый расход. Ну и пусть! Все равно то, что он предлагал, — немыслимо! Да что он вообще о себе возомнил? Что титул и деньги дают право на... что угодно? Она не кочан капусты в лавке зеленщика, в который можно ткнуть пальцем и попросить доставить на дом. А Монтроз... он смотрел на нее даже хуже! Капусте-то все равно, что с ней будет, а она, Маред, человек! Живой человек! Ну и что, что небогатый и обычная тье?

По спине бежали горячие струйки пота, корсет казался чем-то средним между рыцарской броней и пыточным инструментом... А Изабель носит легчайшие воздушные платья, шелестя пышными многослойными юбками... Маред прикусила губу, привычно запретив себе даже думать о том, что у кого-то жизнь лучше. Не на что ей жаловаться! Она молода, здорова, прекрасно образованна... ну, почти уже образованна. И у нее все еще будет, что бы ни говорил наглый лэрд с жадным взглядом.

А как он смотрел... Вспомнив этот взгляд, Маред поежилась, будто жара на мгновение исчезла. Наверное, так Оршез бы смотрел на монету, которую не смог заполучить: с вождением и до отвращения по-хозяйски. Так, словно она, Маред, а не монета, конечно, уже сдалась на его милость. И эта вечеринка... Непристойно одетые, а то и раздетые мужчины и женщины, блеск в глазах, влажные губы и румяные щеки. Запахи духов, дорогого табака и алкоголя, смех, игривые голоса... Да там все было пропитано похотью, как йольский пирог — сладким кремом. Неудивительно, что лэрд королевский стряпчий решил, будто все женщины — такие.

— Западный район! — выкрикнул кондуктор единственную остановку в этой части города, и омнибус притормозил.

Маред показалось, что все пассажиры взглянули на нее с удивлением: кому это понадобилось выходить здесь? Оторвав от петли влажную ладонь, она пробежала по проходу и торопливо соскочила со ступеньки омнибуса, едва не зацепившись каблуком новых, еще не привычных туфель. В последний момент сумочка едва не уехала с омнибусом, застряв между створками двери, Маред отчаянно дернула ее на себя и вырвала, но давно потертый с одного боку ремешок лопнул — пряжка отлетела куда-то в сточную канаву...

Да что за день такой?! Проклятая неуклюжесть... Маред с тоской взглянула в безоблачно-синее небо, с которого жарило солнце, грозя превратить каменный город в

большую духовку. Сейчас бы в реке ополоснуться, как дома. Но Темез только считается красивейшей рекой королевства, а на деле — та еще помойка. Нет, в предместьях вода чистая и берега действительно красивы, а вот то, что течет по самому городу, уже больше напоминает сточные воды то ли со свиной фермы, то ли из лаборатории алхимика.

Ладно, вот доберется до квартиры — и в ванну! Запустит в счетчик пару крон, наберет воды до краев и будет отмывать, сколько захочется...

Неприветливая и грязная улица привычно петляла, но за четыре года Маред выучила здесь каждый поворот и с закрытыми глазами сказала бы, где можно вляпаться в лужу подтекающей канализации, а где из-за забора кидается злая собака. Дома высились рублеными серыми коробками, чахлые полосы газонов перед ними уже пожелтели, несмотря на начало лета и влажную весну: городские испарения душили все, чему полагается расти и зеленеть. Даже липы, буйно цветущие на бульварах Старого города, здесь торчали перед фасадами изможденными старухами, не торопясь покрываться листвой.

Маред миновала портняжную мастерскую и бакалейную лавку, сглотнув слюну и покосившись на витрину. За пыльным стеклом лежали подсохшие, но все равно аппетитные кольца копченой колбасы и высилась горка марципанов. Подумала, что на что-то одно вполне может разориться, а то салат из красивой, но смертельно дорогой ресторации уже куда-то провалился, судя по бурчанью в желудке. Нет, можно и обойтись. От сладкого и копченого портится цвет лица, вот!

Некстати снова вспомнилась Изабель, упоенно лопающая одно пирожное за другим и просто-таки сияющая этим самым цветом лица, но бакалея со всеми соблазнами уже осталась позади, а впереди показался дом...

Пройдя десяток шагов по дорожке между неизменно чахлыми клумбами с парой умирающих кустиков, Маред поднялась на крыльцо, взялась за ручку массивной двери.

— Какая встреча, моя дорогая тьена...

Раздавшийся сзади голос был знаком и до отвращения мерзок. Втянув голову в плечи, Маред обернулась, подавив первое желание забежать в холл и закрыть за собой дверь на гордость тье Румстронг — тяжелый засов, который выдержал бы даже удар тарана.

[Купить полную версию книги](#)